

Израэль Гутман

ЕВРЕИ В АРМИИ АНДЕРСА, СФОРМИРОВАННОЙ В СССР

*1. Польские вооруженные силы на территории СССР
(Polskie Siły Zbrojne w ZSRR): период формирования*

Во второй половине 1941 года в СССР началось формирование польской армии, известной как армия Андерса. До июля 1941 года находившееся в Лондоне польское правительство в изгнании не поддерживало с СССР дипломатических отношений – напротив, оно клеймило Советский Союз клеймом агрессора, который в сговоре с нацистской Германией отобрал у Польши ее восточные земли во время кампании 1939 года. Даже столь драматический поворот событий, как нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года, не привел к немедленному потеплению в польско-советских отношениях. Правда, глава польского правительства в изгнании Владислав Сикорский заявил, что Польше следует стремиться к переговорам с СССР и искать свое место в мире, где после присоединения Советского Союза к антинацистскому лагерю резко изменилось соотношение сил. Однако поляки требовали, чтобы всякое соглашение с СССР гарантировало им, после будущей победы над Германией, создание независимой Польши с довоенной границей на востоке, – то есть требовали аннулировать аннексию Западной Белоруссии, Западной Украины и Виленской области Советским Союзом. Советская сторона отказывалась давать какие-либо обязательства относительно границ, и напряженные и изнурительные двусторонние переговоры привели к расколу среди поляков. Крайняя фракция польской эмиграции, куда входили эндеки¹, остатки блока «Санация»², сохранившие влияние после смерти Пилсудского, и несколько социалистов, отказывалась рассматривать

¹ Эндек (от польской аббревиатуры *ND – Narodowa Demokracja*, «Национальная демократия») – член правой Национально-демократической партии, отличавшейся крайним антисемитизмом.

² «Санация» (букв. «Оздоровление») – название политического блока, совершившего в мае 1926 года переворот. Созданный «Санацией» режим был фактически диктатурой Юзефа Пилсудского. «Санация» определяла политику Польши и после смерти Пилсудского (в 1935 году), вплоть до начала Второй мировой войны.

какое бы то ни было соглашение, где не оговаривались восточные границы Польши, тогда как большинство в польском правительстве в изгнании склонялось к компромиссу³ и готово было отложить решение вопроса о границах. Наконец 30 июля 1941 года в Лондоне было подписано официальное соглашение между представителями Польши и СССР, где, в частности, говорилось: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утраченными силой»⁴.

Важным фактором, побуждавшим Сикорского прийти к соглашению с СССР, была открывавшаяся возможность создать на территории Советского Союза польское военное формирование, которое подчинялось бы находившемуся в Лондоне польскому правительству. Большая часть польских вооруженных сил, которые удалось собрать и сформировать на Западе после разгрома в сентябре 1939 года, была разбита в кампании на территории Франции. Полякам было чрезвычайно важно, чтобы польские вооруженные силы приняли активное участие в борьбе с Гитлером вместе со странами антигитлеровской коалиции, и успешные переговоры с СССР позволяли на это надеяться. Во внутренних районах Советского Союза в начале войны оказалось немало польских граждан – военнопленные, беженцы, спасавшиеся от немцев, а также те, кто был выселен советскими властями, – общим числом, как считается, от 1 000 000 до 1 500 000 человек⁵. Многие из них (если не большинство) находились в заключении в советских карательных лагерях, где страдали от унижений, жестоких лишений и сурового климата. В соглашении от 30 июля 1941 года также говорилось: «Правительство СССР выражает

³ О позиции противников Сикорского см. Władysław Pobóg-Malinowski, *Najnowsza historia polityczna Polski, 1864–1945*, vol. 3 (London: [s.n.], 1983), pp. 150–197. С. Кот в своей книге «Письма из России» солидарен с Сикорским. См. Stanisław Kot, *Listy z Rosji do Gen. Sikorskiego* (London: Jutro Polski, 1955), pp. 10–20.

⁴ Английский текст соглашения приведен в книге *Documents on Polish-Soviet Relations, 1939–1945*, vol. 1 (London: Heinemann, 1961), pp. 141–142. Цит. по: *Правда*, 31 июля 1941.

⁵ Мы не располагаем точными данными о числе поляков, оказавшихся в России в годы Второй мировой войны. В польских источниках приводятся разные цифры – от 1 000 000 до 2 000 000 человек. Советские источники сообщают о 350 000 – 475 000 человек, которых переселили из Польши в СССР; см. Pobóg-Malinowski, *Najnowsza historia*, vol. 3, p. 197. По утверждению Кота, общее число поляков, переселенных в Россию, составляло более 1 500 000 человек (Kot, *Listy z Rosji*, p. 107).

свое согласие на создание на территории СССР польской армии под командованием, назначенным Польским правительством с согласия Советского правительства. Польская армия на территории СССР будет действовать в оперативном отношении под руководством Верховного командования СССР»⁶. В отдельном протоколе, приложенном к общему соглашению, указывалось, что одновременно с возобновлением дипломатических отношений «Советское правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других достаточных основаниях»⁷.

Считается, что почти треть от числа польских изгнанников в СССР составляли евреи (около 400 000 человек)⁸. Это более чем в три раза превышало долю евреев в населении независимой Польши в период между двумя мировыми войнами. Очевидно, преследуемые евреи искали убежища в советской стране – польско-советская граница на востоке давала им шанс спастись от нацистов. Это бегство могло бы стать массовым, если бы не препятствия, возникшие на пути польских евреев в первые недели советско-германской войны⁹. Многих еврейских беженцев выселяли или арестовывали без какой-либо провинности с их стороны, и они оказывались в суровых условиях советских тюрем и лагерей.

Благодаря советско-польскому соглашению¹⁰ и последовавшему за ним военному договору перед массой измученных, обессиленных и больных людей распахнулись ворота лагерей и тюрем. Стали возможны мобилизация в формирующиеся польские войска и борьба с оружием в руках. Первые польские части – две дивизии и вспомогательные силы – разместились в военных лагерях: одна дивизия в Татищеве под Саратовом, а другая – в Тоцком в Чкаловской (ныне Оренбургской) области; штаб поль-

⁶ *Documents*, p. 141. Цит. по: *Правда*, 31 июля 1941.

⁷ *Ibid.*, p. 142. Цит. по: *Правда*, 31 июля 1941.

⁸ *Kot, Listy z Rosji*, p. 163.

⁹ Подробнее см. доклад Дова Левина «Советский Союз и спасение евреев – проблемы и факты», прозвучавший на конференции исследователей Холокоста, и последовавшую дискуссию: Dov Levin, "Brit ha-Moazot ve-hazalat ha-yehudim – beayot ve-uvdot" // *Nisyonot u-feulot ha-hazala bi-ikufat ha-Shoa* (Jerusalem: Yad Vashem, 1976), p. 183.

¹⁰ Текст военного договора см. в *Documents*, pp. 149–150.

ской армии находился в Бузулуке, на расстоянии более 100 км к востоку от Куйбышева (ныне Самара). Командующим польским формированием был назначен генерал Владислав Андерс. Дипломатические отношения между двумя странами налаживались, и в Куйбышеве открылось польское посольство. Профессор Станислав Кот, первый польский посол в СССР в годы войны, занимал раньше ведущий пост в польском правительстве в изгнании и считался доверенным лицом Сикорского. С. Кот и его помощники инициировали создание сети польских представительств, которые старались разыскать всех польских граждан на территории Советского Союза и оказать помощь нуждающимся. В сети «делегатов», взявших под свое покровительство польских граждан, рассеянных по советским областям и республикам, были и евреи, хотя они, как правило, занимали второстепенные должности. Справедливости ради надо отметить, что несмотря на разные виды дискриминации евреи тоже получали конкретную поддержку от польской системы помощи нуждающимся, основанной на посылках из свободных стран¹¹.

Разногласия между польским командованием и советскими властями наметились на первом же этапе формирования польских вооруженных сил. Вначале советская сторона ограничила численность польского контингента 30 000 человек, тогда как поляки требовали создать армию из 150 000 солдат. В ходе освобождения польских граждан из тюрем и лагерей не были обнаружены тысячи польских офицеров, находившихся в советском плену, и поляки требовали вернуть их, утверждая, что формирующейся армии жизненно необходимы профессиональные и командные кадры¹². Споры велись по вопросам и военного, и стратегического характера: советская сторона требовала ускоренной военной подготовки и немедленного введения отдельных польских дивизий в бой, тогда как польская сторона просила продлить период подго-

¹¹ О польской системе помощи нуждающимся см. Кот, *Listy z Rosji*, pp. 24–26.

¹² Судьба тысяч исчезнувших польских офицеров стала известна, когда в апреле 1943 года немцы сообщили о том, что в лесу возле деревни Катынь, недалеко от Смоленска, ими обнаружены массовые захоронения расстрелянных польских офицеров. Эта информация стала причиной кризиса в советско-польских отношениях и положила начало спору о Катынском деле. Подробнее см. *The Katyn Forest Massacre: Hearings before the Select Committee to Conduct an Investigation of the Facts, Evidence and Circumstances of the Katyn Forest Massacre* (Washington, U.S. Govt. Print. Off., 1952).

товки и ввести польскую армию в действие как единое армейское формирование. Стороны преследовали различные интересы и испытывали взаимное недоверие; неизбежные разногласия стали началом разрыва, который в конечном счете привел к эвакуации армии Андерса из Советского Союза. В дальнейшем, когда стало известно о расстрелах в Катыни, дипломатические отношения между двумя государствами были разорваны, что имело далеко идущие последствия для поляков и Польши.

С начала формирования армии Андерса на сборные пункты прибывали – как по приказу, так и по собственной инициативе – многочисленные польские евреи, освобожденные из мест заключения и ссылки. В большинстве своем они видели в мобилизации возможность обеспечить себя материально в условиях войны и чуждого режима. Годность к службе в польской армии в СССР определялась на основании официально установленных критериев, при этом предпочтение отдавалось: 1) кадровым офицерам и младшим командирам, имевшим опыт службы в действующей армии; 2) солдатам, служившим в действующей армии; 3) добровольцам, прошедшим предварительную военную подготовку и признанным годными на призывных пунктах¹³. В первых сформированных частях евреи составляли около 60 % – по словам Андерса, или 40 % – по словам Кота. Поляки негодовали: такой приток евреев в ряды польской армии казался им подозрительным. В польских источниках нередко утверждается, что Советский Союз умышленно освобождал в первую очередь евреев, чтобы наводнить евреями польские военные формирования. В письме С. Кота министру иностранных дел Польши в Лондоне от 8 ноября 1941 года говорится: «Разными способами они задерживали освобождение из лагерей польского элемента, более здорового физически и морально, зато выпускали инвалидов и евреев»¹⁴. Многократно звучали и призывы свести счеты с евреями. Даже генерал Андерс, открывая встречи с представителями еврейских организаций, а также отдавая касающиеся евреев распоряжения, начинал с того, что «напоминал», какую горечь вну-

¹³ См. об этом приказ генерала Андерса от 14.11.1941. Копия приказа: Архив Яд Вашем (далее – АЯВ). О6/40.

¹⁴ См., например, письмо С. Кота польскому министру иностранных дел от 8 ноября 1941 года (Kot, *Listy z Rosji*, p. 154).

шает полякам нелояльное отношение евреев к Польше в годы советской оккупации и во время пребывания в лагерях и тюрьмах¹⁵. В книге «Без последней главы», описывающей историю польского военного формирования в СССР с отчетливо апологетической точки зрения, генерал Андерс начинает главу «Евреи в армии» следующими словами: «Множество трудностей возникло у меня, когда с самого начала к нам стали стекаться многочисленные национальные меньшинства, прежде всего евреи. Как я уже упоминал, определенная часть евреев радостно встречала советские войска, вступившие в Польшу в 1939 году»¹⁶. Однако в записках, не предназначенных к публикации и не адресованных широкому читателю, Андерс высказывался куда более резко¹⁷. Ему вторит Кот в отчете польскому министру иностранных дел в Лондоне: «Поляки сильно озлоблены против евреев из-за их поведения в период советской оккупации, из-за радостного приема, оказанного евреями Красной армией, из-за оскорблений [нанесенных] польским офицерам и солдатам, взятым под стражу [советскими властями], из-за пособничества советским властям, из-за доносов на поляков и т. п.»¹⁸ Памятливость поляков простиралась лишь в одном направлении – они возлагали на евреев коллективную ответственность за нанесенные полякам оскорбления, но полностью забывали об антисемитской политике Польши в период между двумя мировыми войнами, особенно о жестокой травле евреев в конце 30-х годов. Доклад Кота стал первой (но далеко не

¹⁵ Рабочий дневник Андерса, запись от 4.2.1943: Архив Сикорского в Историческом институте им. генерала Сикорского в Лондоне (Instytut Historyczny Imienia Generała Sikorskiego, далее – IHGS). Фонд Андерса (далее – KGA/24); см. также протокол встречи представительства с генералом Андерсом (Тель-Авив, сентябрь 1943 года) в отчете “Sprawozdanie z działalności Reprezentacji Żydostwa Polskiego w latach 1940–1945”, р. 134: Центральный сионистский архив (далее – ЦСА). J25/54/VI.

¹⁶ Władysław Anders, *Bez ostatniego rozdziału; wspomnienia z lat 1939–1946*, 2nd edition (Newtown, Wales: Montgomeryshire Printing Co., 1950), р. 99. На рус. яз. см. фрагменты: В. Андерс, «Без последней главы» // *Иностранная литература*. № 11 (1990). С. 231–255; № 12 (1990). С. 219–250.

¹⁷ IHGS, KGA/24. Например, записка под названием «Еврейская проблема» содержит всевозможные обвинения в адрес евреев – Андерс ставит им в упрек поведение в начале советской оккупации, трусость, побеги, преступность в еврейской среде. В записке Андерс говорит об «ожидовении посольства», о «нежелании евреев работать» и т. п.

¹⁸ Kot, *Listy z Rosji*, р. 163. Кот замечает, что воспользовался текстом донесений военного штаба, однако в свое время в отчете он приводил те же выражения без каких-либо оговорок.

последней) попыткой оправдать дискриминацию евреев в польской армии на территории СССР.

Польские источники неоднократно пытаются представить евреев физически слабыми и не приспособленными к воинской службе. Вот что пишет С. Кот:

Освобождение польских граждан на основании принятого соглашения евреи приняли с энтузиазмом. Порядочные люди радовались успеху Польши, а недостойные элементы громко кричали о солидарности с Польшей, чтобы затушевать свои прежние поступки. В армию как раз и устремились слишком многие из этих элементов. Не зная, куда себя девать, они решили идти в армию, а там, будучи по большей части негодными к воинской службе, оказались бременем – и стали еще громче требовать помощи¹⁹.

Мнение о том, что евреи не приспособлены к военному ремеслу, имеет более глубокие корни. Среди поляков, особенно профессиональных военных, господствовало убеждение, что евреи по природе своей трусливы, а по физическому сложению не пригодны ни к воинской службе, ни к бою.

В свидетельствах евреев, служивших в армии Андерса или пытавшихся туда попасть, часто повторяются истории об отказе в зачислении в армию на основании еврейского происхождения, о грубых оскорблениях, о невозможности продвинуться по службе. Евреи отмечают в ходе мобилизации два этапа. На первом этапе – от начала действия амнистии и формирования польской армии до конца 1941 года – многим евреям удалось вступить в армию; они оказались в ней едва ли не большинством. Однако евреи, служившие в армии Андерса, свидетельствовали, что и после зачисления многих евреев по решению очередной комиссии или по результатам очередной проверки переводили во вспомогательные части или направляли в колхозы; нередко евреев попросту отчисляли из армии. На втором этапе, когда мобилизация в армию Андерса проводилась на специальных призывных пунктах в городах советской Средней Азии, отсеив евреев, по их рассказам, велся в открытую: евреи снова и снова пытались вступить в армию, но всякий раз сталкивались с решительным отказом. Фи-

¹⁹ Ibid., p. 164.

зическое состояние еврея не играло никакой роли – ему отвечали отказом на том лишь основании, что он был евреем. Ни в одном свидетельстве не упоминается отказ, мотивированный ссылкой на требования советских властей или установленные ими ограничения. Свидетели утверждают, что огульная неприязнь распространялась не только на евреев, но и на украинцев и белорусов.

Генрик Трон происходил из ассимилированной еврейской семьи и до войны учился в Варшавском политехническом институте. Он записался в польскую армию одним из первых. Его приняли и направили в офицерскую школу. В январе 1942 года командир вызвал «нескольких евреев и для проформы одного поляка» и объявил им, что они отчисляются за непригодность к офицерской службе. К занятиям их больше не допускали, а некоторое время спустя перевезли в другое место и снова направили на призывную комиссию. Комиссия квалифицировала всех без исключения евреев по категории “Е”, что означало полную и безоговорочную непригодность. Трон пробовал еще раз пройти комиссию в Узбекистане, в Гузаре, но там история повторилась: все поляки были приняты без какого-либо осмотра, а евреи, украинцы и белорусы признаны негодными. В конце концов Трона зачислили в польскую армию, сформированную в СССР прокоммунистически настроенными поляками, и он служил офицером в дивизии имени Костюшко²⁰.

Другой свидетель-еврей, Михал Лихт, учитель физкультуры, служивший младшим командиром в польской регулярной армии и воевавший в начале Второй мировой войны, узнав о формировании армии Андерса, пришел добровольцем на призывной пункт вместе с другими евреями – как он выразился, «богатырями, могучими как дубы», – но всех их объявили физически непригодными и в армию не зачислили. Лихт попробовал еще раз пройти комиссию и был принят; он считал, что «Рубикон перейден», однако десять дней спустя его отчислили – как и всех остальных евреев. По словам Лихта, оставили в армии только еврейских врачей и тех евреев, что уплатили польским офицерам взятку в размере 100 долларов. Лихт утверждал, что откровенное взяточничество процветало среди польских офицеров²¹.

²⁰ АЯВ. ОЗ/1298.

²¹ Там же. ОЗ/1294.

Еще один свидетель, инженер Феликс Давидсон, сообщает, что при вступлении в армию Андерса не сталкивался ни с какими препятствиями. Он объясняет это своей профессией. Однако трудности подстерегали его во время службы: «Я просил направить меня на курсы механиков, но меня туда не взяли из-за того, что я еврей. Антисемитизм царил в армии Андерса совершенно неприкрыто»²². Электрику Шимону Перелю тоже было отказано. Он сообщает, что в надежде предстать перед призывной комиссией в Фергане собрались тогда тысячи евреев, поляков и украинцев:

Тут снова повторилась картина, знакомая по довоенной Польше. Поляков автоматически зачисляли в армию, евреи получали категорию «D», что означало непригодность к службе в действующей армии, но даже те, кого успели принять, вскоре были отчислены по самым незначительным причинам. Наконец наступил день, когда и я предстал перед комиссией, а вместе со мной – Рихтерман, чемпион по плаванию... Мы оба получили категорию «D»...

Шимону Перелю удалось попасть в армию Андреса благодаря своему старому знакомому – польскому офицеру²³.

Сын фермеров из Западной Галиции Меер Люстгартен рассказывает:

Я вступил в армию легко и просто. На первом этапе формирования [польской армии] многие евреи прибыли на призывные пункты и были зачислены без всяких сложностей, – и евреи оказались в армии большинством. Ясно, что полякам это не понравилось, и они стали искать, как бы им избавиться от евреев или по крайней мере сократить их процент в армии. С этой целью польское командование обязало всех солдат пройти медицинскую комиссию. На проверке евреи в подавляющем большинстве получили категорию «D» и были освобождены от воинской службы. Это было начало зимы 1941/1942 года. Люди дрожали от холода, и вот их выставили. Польская армия очистилась от евреев и стала «юденрайн», как говорили немцы. С тех пор евреев в польскую армию больше не брали, туда принимали исключительно поляков»²⁴.

²² Там же. ОЗ/1365.

²³ Там же. ОЗ/1554.

²⁴ Там же. ОЗ/702.

Из десятков изученных нами свидетельств вырисовывается вполне однозначная картина: инструкции, предписывавшие набирать солдат в польскую армию, не распространялись на евреев и других представителей национальных меньшинств. Во всяком случае, на поздних этапах мобилизации набор в армию не определялся объективными критериями: так, советская сторона запрещала зачислять представителей некоторых национальных меньшинств, в частности евреев, в польское войско. Ниже будет показано, что этот запрет не всегда исполнялся с одинаковым тщанием, что истолковывали его по-разному и что поляки пользовались им как предлогом, чтобы полностью перекрыть евреям доступ в польское формирование. Согласно общему мнению, ограничения советских властей не распространялись на евреев – бывших польских военнослужащих, однако факты доказывают, что в армию Андреса не только не принимали еврейских новобранцев, но и намеренно и планомерно отчисляли тех евреев, кто уже в ней служил. В письме к генералу Зигмунту Бохушу-Шишко от 30 апреля 1942 года С. Кот пишет: «...И снова раздаются жалобы евреев на то, что в нашей армии проводится чистка в попытке сократить число евреев и что даже самых здоровых демобилизуют как якобы больных. Неужели это необходимо и отвечает требованиям момента?»²⁵

Кому же из евреев удалось в 1942 году вступить в армию Андреса или остаться в ее рядах, несмотря на все препоны и постоянные чистки? Складывается впечатление, что беспрепятственно принимали врачей и ценных специалистов, а также тех, кто сумел заручиться поддержкой влиятельных поляков. В армии оставались евреи, пользовавшиеся покровительством командиров или не подлежавшие отчислению в силу специфики своей профессии.

Не вызывает сомнений, что отношение польского командования к евреям диктовалось антисемитизмом, глубоко укоренившимся в сердцах многих поляков. Враждебность к евреям наиболее откровенно проявлялась в офицерской среде и естественным образом определяла ситуацию в армии. В письме Кота Сикорскому, направленном из Москвы 5 сентября 1941 года, то есть через несколько дней после приезда Кота в СССР, говорится: «Мы бесе-

²⁵ Кот, *Listy z Rosji*, p. 313.

довали с генералом Андерсом по поводу евреев. Их, как обычно, зачисляют в армию по первой просьбе, и после того, как я объяснил ему важность [мобилизации евреев] с точки зрения Америки и т. п., он обещал мне подчеркивать необходимость доброжелательного к ним отношения»²⁶. Кот снова и снова указывает на политическое значение мобилизации евреев. 11 октября 1941 года он пишет Миколайчику²⁷: «В будущем, когда мы займемся вопросом о восточной границе, приток евреев [в нашу армию] станет весомым политическим козырем, особенно на фоне упорной ненависти украинцев ко всему польскому». И в том же письме Кот отмечает: «Наши военные, такие как Пстроконьский»²⁸, уже готовы ввести в военных учереждениях процентную норму»²⁹.

Однако дискриминация евреев и желание преградить им доступ в польскую армию исходили отнюдь не от одних лишь офицеров «определенного рода». Эта линия была установлена польской политической и военной верхушкой. Ежи Климковский, адъютант Андерса, пишет в своих воспоминаниях о совещании высших чинов с участием советских офицеров и командиров польской армии, которое состоялось в штабе польской армии в городе Бузулуке в январе 1942 года и на котором присутствовал Андерс³⁰. На совещании был поднят и вопрос о евреях. Климковский пишет:

Затронули также вопрос о мобилизации, и Андерс выступил со странной просьбой: не направлять к нему в армию польских граждан из национальных меньшинств, прежде всего евреев, а затем украинцев и белорусов. Когда Евстигнеев заметил, что это все польские граждане и в польско-советском договоре

²⁶ Ibid., p. 82.

²⁷ Станислав Миколайчик (1901–1966), один из лидеров польской Крестьянской партии (*Stronnictwo Ludowe*) в эмиграции, соратник Кота. Во время формирования армии Андерса находился в Лондоне. В 1943 году, после смерти Сикорского, Миколайчик возглавил польское правительство в изгнании.

²⁸ Подполковник Станислав Пстроконьский, близкий к правящим кругам Польши в 30-е годы, Коту представлялся нежелательной политической фигурой.

²⁹ Kot, *Listy z Rosji*, p. 136.

³⁰ В *Documents* приведен протокол совещания в Бузулуке. В протоколе названы те же участники совещания и та же дата (11 ноября 1941 года), что и в мемуарах Климковского. Краткое изложение событий в протоколе совпадает с рассказом Климковского (правда, протокол не упоминает о евреях, но в нем опущены и многие другие подробности). См. *Documents*, pp. 201–202.

сказано, что в польскую армию будут приниматься все граждане Польской республики, генерал Андерс ответил: «Евреев так много, что они обьевреили армию, их наплыв изменит характер армии в целом»³¹.

Еще более показательна беседа Сикорского со Сталиным в Кремле, состоявшаяся 3 декабря 1941 года. С польской стороны в этой беседе участвовали Андерс и Кот, с советской – нарком иностранных дел Молотов. Вокруг этой встречи был построен визит Сикорского в СССР, и обсуждались там прежде всего вопросы формирования польской армии и ее будущего. Андерс много говорил о сложных условиях, в которых происходит формирование армии; было выдвинуто предложение перевести этот процесс в Иран из соображений удобства, и тогда Сталин раздраженно заметил: «Если поляки не хотят здесь воевать, то пусть прямо и скажут». На это Сикорский ответил: «Вы меня задели, господин президент, когда сказали, что наш солдат не хочет воевать». Далее Андерс привел данные о численности польского формирования и о его размещении в разных районах.

Андерс. ...Я рассчитываю на 150 000 человек, иначе говоря, восемь дивизий и армейские службы, – сказал он. – Не исключено, что людей у нас даже больше, но среди них велика доля еврейского элемента, который не хочет служить в армии.

Сталин. Евреи – плохие вояки (*Żydzy kiepscy wojacy*).

Сикорский. Многие из пришедших евреев – спекулянты или были осуждены за контрабанду³². Из них никогда не получится хороших солдат. Мне они не нужны в Войске Польском.

³¹ J. Klimkowski, *Bylem adiutantem gen. Andersa* (Warszawa, 1959), p. 218. На рус. яз. см.: Е. Климовский, *Я был адъютантом генерала Андерса*. М.: Издательство МЭИ, 1991.

³² Три варианта протокола беседы Сикорского со Сталиным – в воспоминаниях Кота, в воспоминаниях Андерса и в сборнике *Documents* – совпадают почти дословно. Однако Кот слова Сикорского о евреях вкладывает в уста Андерса. Вероятно, Кот, друг и почитатель Сикорского-политика, постарался с помощью «мелкой неточности» снять с него ответственность за высказывание, выдающее его антисемитизм и к тому же свидетельствующее о серьезном политическом просчете. Тексты в книге Андерса и в *Documents* совпадают и подтверждают, что Сикорский участвовал в обсуждении вопроса о евреях. Напомню, что сборник *Documents* издан Институтом им. Сикорского и считается надежным официальным источником. Не приходится сомневаться, что слова, приписанные Сикорскому, действительно были им произнесены. Здесь следует отметить обвинения, выдвинутые советской стороной в адрес польских офицеров. Например, 7 ноября 1941 года Кот записал со слов Волковысского, что прибывшие из Лондона польские офицеры торгуют часами, шелковыми чулками, зубной пастой и прочим, а многие, страдая венерическими заболеваниями, пользуются доверчивостью советских женщин (см. Kot, *Listy z Rosji*, pp. 150–151).

Андерс. *Двести евреев дезертировали из Бузулука, когда разнесся ложный слух о бомбежке Куйбышева. Более шестидесяти дезертировали из 5-й дивизии за день до того, как была назначена выдача оружия.*

Сталин. *Да, евреи – никудышные вояки (Tak, Żydzy to marni wojacy)*³³.

Мы видим, что в отношении к евреям и в оценке их боевых качеств трое участников беседы оказались единодушны. Не вызывает сомнения также, что и Сикорский, и Андерс тщательно взвешивали свои слова на переговорах и понимали, как они будут восприняты Сталиным³⁴. Полякам было предоставлено преимущество уже тем, что им позволили сформировать автономные вооруженные силы на территории СССР. Для многих мобилизация в эту армию стала спасением. Поляки сразу оценили предоставленные им особые полномочия и преисполнились уверенности и самодовольства. Поначалу они сдерживались, опасаясь, что за каждым шагом, сделанным вопреки советскому закону или принятым в Советском Союзе нормам, последует немедленное наказание. Можно предположить, что именно поэтому они примирились с массовым притоком евреев на первом этапе формирования армии. В беседах с офицерами и особенно со Сталиным поляки, вероятно, старались прощупать почву и выяснить возможную реакцию советского режима на введение ограничений в польский военный набор и на отказ принимать в армию евреев и представителей других меньшинств. Поляки хорошо знали, что официальной дискриминации евреев в СССР в ту пору не было. Они, как и правые и фашиствующие силы в странах Европы, верили, что евреи вступили в тайный союз с политическим режимом в СССР и его лидерами. Когда Сталин недвусмысленно подтвердил оскорбительные слова Сикорского и Андерса о евреях и их боевых качествах, последние сомнения поляков рассеялись. Но и советский правитель со своей стороны прекрасно сумел воспользоваться польской откровенностью в собственных интересах, как мы вскоре убедимся.

³³ Этот протокол, как уже отмечалось, был опубликован в следующих источниках: Kot, *Listy z Rosji*, pp. 191–208; Anders, *Bez ostatniego rozdziału*, pp. 105–123; *Documents*, pp. 231–243.

³⁴ В различных свидетельствах подчеркивается, что вступление в армию давало убежище и шанс на реабилитацию множеству людей, которые освободились из лагерей, не имели в Советском Союзе ни работы, ни дома и отчаянно пытались выжить в условиях войны и нищеты.

2. Советские ограничения на мобилизацию евреев и их реальное значение

В конце декабря 1941 года, вскоре после встречи со Сталиным и разъяснения оперативных вопросов руководства армией, советские офицеры связи сообщили польскому военному командованию, что набор в армию Андерса касается всех польских граждан за исключением евреев, украинцев и белорусов, которые на указанный день, а именно 29 ноября 1939 года, проживали на аннексированных СССР территориях и были объявлены советскими гражданами.

30 декабря Андерс телеграммой сообщил Коту в Куйбышев, что два дня назад ему передали от полковника Волковысского, одного из высших советских офицеров связи, следующее: «Из польских граждан, проживавших в Западной Украине и Западной Белоруссии, подлежат мобилизации в нашу армию только граждане польской национальности»³⁵. 21 февраля 1942 года Андерс отправил телеграмму Сикорскому, где говорилось, что советские власти призывают к мобилизации всех польских граждан, но с территорий, захваченных Советским Союзом в 1939 году, – только граждан польской национальности³⁶. 25 февраля 1942 года С. Кот просил Андерса разъяснить ему, по какому принципу советская сторона допускает к службе в польской армии граждан, которые не являются поляками по национальности: имеются ли в виду только те, кто родился на территориях, захваченных в 1939 году немцами, или также те, кто постоянно проживал на этих территориях в довоенное время³⁷. На это Андерс ответил: «Советские власти официально сообщили мне, что мобилизации подлежат все польские граждане, которые до 29 ноября [1939 года] проживали на территориях, захваченных немцами»³⁸.

По всей вероятности, польское военное командование и центральное политическое руководство стремились вывести евреев из числа подлежащих мобилизации граждан или по крайней мере резко сократить присутствие евреев в своих вооруженных силах. Советская инициатива, не допускавшая основную массу

³⁵ IHGS, KGA/24.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

³⁸ Телеграмма в Куйбышев от 2.3.1942: IHGS, KGA/24.

евреев – польских граждан к службе в армии Андерса, была полякам только на руку, потому что позволяла оправдать дискриминацию в глазах свободного мира и объяснить ее давлением советских властей. Однако у медали оказалась и обратная сторона. Казалось бы, ограничения не распространялись на поляков, проживавших в зоне советской оккупации на тот день, когда было объявлено о предоставлении всем местным жителям гражданства СССР: поляки тоже были объявлены советскими гражданами, однако советская сторона заявила, что им, в нарушение буквы закона и в качестве особого жеста доброй воли, дано право записываться в польскую армию. Однако признание советского ограничительного указа означало также косвенное признание законности советской оккупации, тогда как поляки яростно против этого протестовали. Отсюда понятны замешательство в польских официальных кругах и встревоженные вопросы Кота. Не случайно, как видно, советская сторона воспользовалась ситуацией с воинским набором, чтобы поставить под сомнение власть Польши над определенными категориями жителей аннексированных областей. Весьма вероятно, что идея исключить евреев и представителей национальных меньшинств из числа тех, кто допускался в ряды польской армии, родилась после того, как Андерс и Сикорский обвинили евреев в непригодности к военной службе и заявили Сталину, что евреи «их армии» не нужны.

Характерный эпизод произошел на следующий день после упомянутой встречи, на банкете, который Сталин устроил в Кремле в честь Сикорского и его свиты. Сикорский снова затронул тему освобождения поляков из советских «рабочих батальонов», которое, как он сказал, проводится недостаточно быстро и недостаточно широко. Андерс заметил, что ему было официально заявлено, будто евреи, украинцы и белорусы вообще не подлежат освобождению. «Разве они не польские граждане? – спросил Андерс с негодованием. – Они ведь, в сущности, никогда и не переставали быть польскими гражданами, поскольку ваше соглашение с немцами утратило всякую силу». На это Сталин ответил, никак при этом не отреагировав на суть заданного вопроса: «Зачем вам белорусы, украинцы и евреи понадобились? Вам же нужны поляки, ведь они – самые лучшие солдаты»³⁹.

³⁹ *Documents, doc. № 160, p. 244.*

И еще одна проблема занимала СССР и приводила к разногласиям с поляками. По законодательству СССР жители аннексированных районов считались советскими гражданами, а по польско-советским соглашениям оказывались польскими. Из-за этой двойственности то и дело возникали конфликты. 10 ноября 1941 года С. Кот впервые обратился в Наркомат иностранных дел СССР с жалобой на то, что в Казахстане делаются попытки направить в Красную армию украинцев, белорусов и евреев – польских граждан, хотя польские граждане от мобилизации в Красную армию освобождены. Кот жаловался также на препятствия, с которыми сталкиваются польские граждане непольской национальности, пытающиеся добраться до районов размещения армии Андерса в надежде записаться в нее⁴⁰. В своем ответе, отправленном 1 декабря 1941 года, Наркоминдел объяснял, что польско-советские соглашения не отменяют действия советского закона, согласно которому все жители аннексированных территорий становятся советскими гражданами, а признание польского гражданства поляков, проживавших на тех территориях, «свидетельствует о доброй воле и готовности к компромиссам со стороны советского правительства, однако ни в коем случае не может служить основанием для признания представителей других национальностей, в первую очередь украинцев, белорусов и евреев, польскими гражданами». И все же этот ответ не отрицает права представителей упомянутых национальных меньшинств служить в польском военном формировании⁴¹. Значение, которое советская сторона придавала в этом контексте национальной или религиозной принадлежности евреев, может вызвать удивленные вопросы: как оно сочетается с советскими политическими установками и с коммунистической идеологией? Как во многих других случаях, и здесь прагматические интересы политики потеснили идеологию. Отвечая на полученное из Наркомата иностранных дел разъяснение, Кот пишет, что с точки зрения поляков все польские граждане, без различия их происхождения и расы, имеют равные права, и это равенство касается их права на амнистию и права на мобилизацию в польскую армию. Польская конституция не признает дискриминации своих граждан, и во-

⁴⁰ Ibid., doc. № 143, pp. 200–201.

⁴¹ Ibid., doc. № 157, pp. 227–228.

енное соглашение позволяет всякому польскому гражданину записаться в польские вооруженные силы. Поэтому польское правительство отвергает предложенное Наркоматом иностранных дел толкование польско-советских соглашений⁴². В ответ на это советский Наркомат иностранных дел 5 января 1942 года постановил, что, рассмотрев заявление посольства касательно разных категорий граждан, не видит оснований для изменения своей позиции. Далее следует пункт, пространно «проясняющий», чем вступление советских войск в восточные районы Польши отличается от оккупации, и сводящийся главным образом к утверждению, что аннексия этих районов произошла «в результате свободного волеизъявления населения этих областей»⁴³. Этот обмен записками уже завершился, когда было получено распоряжение советских военных властей об исключении определенных категорий граждан из набора в польскую армию, и нам не известно о каком-либо официальном протесте польского военного командования по этому поводу. С. Кот подчеркивает, что в беседе со Сталиным, состоявшейся 18 марта 1942 года, Андерс никак не затронул вопрос о лишении представителей определенных национальных меньшинств права на мобилизацию⁴⁴.

Из находящихся в наших руках документов и свидетельств следует, что на практике советские власти обычно не вмешивались в процесс набора в польское военное формирование и не следили за соблюдением своих указаний, запрещающих прием граждан из числа национальных меньшинств в польскую армию. В призывных комиссиях сидели представители советской стороны, но они редко принимались выяснять происхождение новобранцев и, как правило, соглашались с решением своих польских товарищей по комиссии.

И все же одно явление обеспокоило русских и вызвало их негодование, а полякам напомнило об осторожности. Нам известен единственный случай жалобы представителя советской стороны на невыполнение советских распоряжений – письмо начальника ГРУ генерального штаба Красной армии и куратора польской армии в СССР генерала Алексея Панфилова Андерсу. В письме го-

⁴² *Ibid.*, doc. № 163, pp. 250–251.

⁴³ *Ibid.*, doc. № 167, p. 259.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 291 (телеграмма Кота Сикорскому от 22.3.1942).

ворилось, что в нарушение 4-го пункта решения Государственного Комитета Обороны от 22 декабря 1941 года идет мобилизация «беглых советских граждан». Панфилов выражает в своем письме решительный протест, приводит поименный список десяти «беглецов» и требует их выдачи. В списке семь явно еврейских имен и три украинских или белорусских. Панфилов заканчивает письмо просьбой сообщить ему как можно скорее о выдаче разыскиваемых, которые должны предстать перед судом⁴⁵. Это письмо, видимо, касается случаев побега из «рабочих батальонов». Выходцы из западных районов («западники»), в первую очередь украинцы, считались ненадежным элементом на фронте, а потому направлялись в трудовые армейские части, отличавшиеся тяжелыми условиями. Мы располагаем свидетельствами о побегах евреев из этих частей в центры мобилизации в польскую армию⁴⁶. Речь идет о людях, которым было навязано советское гражданство; в то же время согласно польско-советскому соглашению они по-прежнему считались гражданами Польши и теоретически имели право вступить в армию Андерса. Советская сторона квалифицировала подобные случаи как дезертирство из советских воинских частей и собиралась наказывать виновных.

Но обычно советская сторона не следила за тем, насколько строго соблюдаются ее указания в ходе польской мобилизации. Никто из прошедших через призывные пункты людей и солдат армии Андерса не сообщает, что его не приняли потому, что возражал советский представитель, или потому, что он был выходцем из аннексированных областей. Более того, советская сторона демонстрировала одинаковое отношение к кандидатам из западных областей, на которых не распространялся запрет на вступление в польскую армию, и к тем, кого советское распоряжение якобы лишало права на польскую мобилизацию. Сохранился список мобилизованных, поляков и евреев, составленный армейскими инстанциями 12–20 августа 1942 года, то есть накануне второго этапа эвакуации. Согласно этому списку – официально польскому документу, единственному в своем роде в папках Андерса, из представших перед комиссией 88 евреев 65 были признаны негодными, а 23 годными, а из 75 поляков годными оказались

⁴⁵ IHGS, KGA/24.

⁴⁶ АЯВ. ОЗ/1683.

56 человек. В списке указаны причины отвода кандидатов, и среди них нет ни одной ссылки на советские распоряжения⁴⁷.

В докладной записке от 10 ноября 1942 года, переданной эвакуированными вместе с армией Андерса членами Бунда Гликсманом и Файнзильбером своим товарищам в Англии и США, мы находим упоминание советского запрета и описание реакции на него польских военных. Члены Бунда, с одной стороны, занимали резко антисоветскую позицию, а с другой – выказывали лояльность польскому правительству в изгнании. Авторы записки утверждают:

Позиция советских властей в вопросе о гражданстве облегчила польским антисемитам дискриминацию евреев. Наиболее ярко это проявилось в деле мобилизации в польскую армию. Истина заключается в том, что позиция советских властей способствовала лишению тысяч годных к службе молодых евреев возможности воевать, вступить в ряды армии, – но большая доля ответственности за сложившуюся ситуацию падает на польских военных⁴⁸.

Посол С. Кот, как уже отмечалось, из политических соображений придавал заботе о евреях большое значение; несмотря на свои многочисленные противоречивые высказывания, он относился к евреям с некоторой симпатией и много занимался проблемой польских евреев в СССР. В телеграмме Сикорскому от 10 апреля 1942 года он пишет:

...4. Было бы желательно довести до сведения генерала Андерса, что последовательно проводимая штабом антисемитская политика, в которой особенно преуспели некоторые офицеры призывной комиссии, невольно оказывает услугу Советам, которые стремятся посеять рознь между евреями и поляками, чтобы создать прецедент для захвата территорий на востоке...

Кот не говорит здесь, что запрет советской стороны связывает полякам руки, а напротив, подчеркивает, что, не допуская евреев в армию, польские офицеры сотрудничают с Советами и играют им на руку⁴⁹.

⁴⁷ IHGS, KGA/24.

⁴⁸ IHGS, KOL 25/24.

⁴⁹ Kot, *Listy z Rosji*, p. 305.

Ясно, что не советские инструкции определяли политику и практику польской мобилизации. Советские инструкции предоставили полякам свободу действий и послужили удобным предлогом для оправдания слишком скромного присутствия евреев в их армии в глазах мира. С политической точки зрения намерения поляков и Советского Союза были прямо противоположны. СССР стремился подчеркнуть принципиально политический аспект отделения жителей Восточной Польши от населения прочих ее областей и тем самым создать прецедент на будущее. Вопрос о том, выполняют ли поляки указания и отказываются ли допускать в армию евреев, в действительности не слишком занимал советские инстанции, за исключением случаев побега из мест заключения и военизированных трудовых частей. Проблема мобилизации евреев Восточной Польши не интересовала СССР: неслучайно на более позднем этапе советские власти никак не препятствовали евреям – выходцам из разных областей Польши в границах до 1939 года вступать в польскую армию Берлинга, созданную прокоммунистическим Союзом польских патриотов.

Поляки в свою очередь стремились обеспечить формальное соблюдение соглашений и предотвратить возникновение политической ситуации, которая могла бы поставить под угрозу будущее их восточных территорий. В их интересах было отказать большинству желавших вступить в польскую армию евреев и избавиться от части тех, кто уже вступил. В противостоянии сторон и интересов больше всего страдали евреи. Право многих из них на гражданство было оспорено, что затрудняло получение польских документов и материальной помощи, получение виз на выезд из Советского Союза и вступление в армию. Представители польской армии разделились в политической оценке советских инструкций, однако охотно приняли селективный подход, добавив к нему собственные способы отсева.

3. Предложение о создании «еврейского легиона» и «еврейская часть в Колтубанке»

На определенном этапе мобилизации польские официальные лица и представители еврейских организаций рассматривали и обсуждали идею создания отдельного «еврейского легиона» в рамках армии Андерса на территории СССР. Предложение было

выдвинуто одновременно адвокатом Марком Каганом и инженером Мироном Шескиным. Оба они были между двумя мировыми войнами активистами ревизионистского движения в Польше, оба оказались в лагерях в Советском Союзе, были освобождены в результате польско-советского соглашения и прибыли в первые центры сбора и формирования польской армии. Каждый из них выдвинул свою программу независимо от другого – вначале они даже не знали друг о друге, – и лишь после личной встречи они решили добиваться воплощения своих замыслов сообща.

Д-ра Марка Кагана отправили в Тоцкое⁵⁰. Он обнаружил, что между поляками и евреями в военном лагере царит напряженность, нередко прорывающаяся в драках. По его словам, эта ситуация навела его на мысль о необходимости отделить еврейских солдат от польских, и так возникла идея «еврейского легиона» внутри армии Андерса. Он направил предложение командиру размещенных в Тоцком сил, генералу Михалу Токажевскому-Карасевичу, с которым был знаком еще с довоенных времен. По словам Кагана, Токажевского заинтересовала идея еврейской части, и он пообещал обсудить ее с Андерсом. После беседы генералов Кагана пригласили в Бузулук, в штаб армии, где он познакомился с Шескиным. Шескин сообщил о разговоре с Андерсом (состоявшемся по инициативе Андерса), где обсуждалась возможность создания еврейской части в формирующейся армии. Мы не знаем, что побудило Шескина внести это предложение⁵¹. И Каган, и Шескин утверждали после войны, что, выступая с идеей легиона, они представляли себе ту роль, которую сыграет еврейская боевая единица в грядущей битве за Страну Израиля. Кот отмечает, что инициаторы думали об этой части как о силе, которой предстоит проявить себя в Стране Израиля⁵². Остается предположить, что инициаторы создания «еврейского легиона» в силу своего сионистского прошлого и впрямь видели в этой

⁵⁰ Свидетельство Марка Кагана: АЯВ. ОЗ/2863.

⁵¹ IHGS, KGA/24. Материалы, хранящиеся в фонде Андерса в Архиве им. Сикорского, содержат краткую биографию Шескина и его оперативные донесения штабу армии о настроениях в обществе в Стране Израиля и в ивритской прессе (как правило, в крайне левых кругах *ишува*), но никак не касаются его попыток создать «еврейский легион» и двигавших им мотивов.

⁵² Письмо С. Кота польскому министру иностранных дел от 5.1.1942: Kot, *Listy z Rosji*, p. 249.

части потенциально важного участника национальной борьбы евреев, даже если непосредственной причиной ее создания была напряженность, царящая между поляками и евреями в рядах польской армии.

В нашем распоряжении нет письменных материалов, представленных польскому командованию Каганом и Шескиным; нам неизвестно, когда именно они выдвинули свое предложение. На основании свидетельства Кагана и со слов близко общавшегося с обоими военного раввина в армии Андерса Розена-Щекача⁵³ складывается впечатление, что предполагалось объединить в отдельной воинской части всех евреев – и уже зачисленных в армию, и только просивших о зачислении; все рядовые были бы евреями, офицерский состав части состоял бы из евреев, а поляки занимали бы высшие армейские посты или осуществляли верховное командование. Вопрос о еврейской части обсуждался перед приездом Сикорского в Москву; и этот факт, и некоторые другие признаки позволяют предположить, что подобная инициатива была выдвинута в сентябре–октябре 1941 года.

После прибытия Кагана в Бузулук Андерс еще раз пригласил Шескина для беседы, в ходе которой сообщил, что создание «еврейского легиона» – инициатива политическая, а значит, относится к сфере полномочий посла Кота⁵⁴. Поэтому Каган и Шескин отправились к Коту в Куйбышев. По словам Кагана, посол отложил решение до приезда Сикорского, видимо желая обсудить с ним выдвинутое предложение. Кот ответил позднее – и ответил категорическим отказом. Поляки решительно отвергли предложение о создании отдельной еврейской воинской части в рамках своей армии в СССР.

Каган предполагает, что идея «легиона» обсуждалась на встрече Сикорского со Сталиным, где ей и был вынесен смертный приговор. Он считает, что Сталин воспротивился их плану, а Кот, услышав сталинское «нет», не посмел выступить в защиту⁵⁵. Однако предположение Кагана ничем не подтверждается. Едва ли поляки придавали еврейской инициативе достаточно большое

⁵³ См. Leon S. Rozen, *Cry in the Wilderness: A Short History of a Chaplain, Activities and Struggles in Soviet Russia during World War II* (New York: [s.n.], 1966).

⁵⁴ АЯВ. ОЗ/2863.

⁵⁵ Там же.

значение, чтобы вынести ее обсуждение на встречу со Сталиным. Насколько нам известно, поляки обычно не обсуждали с советской стороной свои внутренние проблемы, вопросы состава и структуры польской армии, считая решение этих вопросов польской прерогативой. Протоколы бесед поляков со Сталиным и сопровождавшими его лицами сохранились в полном объеме, но в них не найти упоминаний об идее создания в польской армии отдельной еврейской части. Встречаются замечания польской стороны – в том числе Кота и Андерса – о создании отдельной части, однако нигде не сказано, что советская сторона высказывала на этот счет какие-либо соображения или что ее соображения могли влиять на решения поляков.

Таким образом ясно, что отказ исходил от польских руководителей. Каган утверждает, что часть польских высших чинов, и в том числе Андерс, поддержала идею, а Кот ее отклонил. Эта версия подтверждается лишь частично. По-видимому, некоторые офицеры в армии Андерса по тем или иным причинам и впрямь одобрили еврейскую инициативу. Но между Котом и Андерсом не было разногласий в этом вопросе, и они оба ответственны за отказ. Кот сообщает, что 24 октября 1941 года в польском посольстве в Куйбышеве Андерс обсуждал это предложение с еврейскими представителями (членами Бунда и, несомненно, Людвиком Зайдманом, советником по делам евреев) и что именно Андерс не допустил создания отдельной еврейской части⁵⁶.

Однако Каган прав, утверждая, что и многие евреи приняли его предложение в штыки. По его словам⁵⁷, собравшиеся в Бузулуке евреи прежде, в независимой Польше, принадлежали к обеспеченным слоям общества и опасались, что создание «легиона» лишит их права на польское гражданство, а то и воспрепятствует возвращению им имущества после войны. По всей видимости, в Бузулуке действительно оказалось много ассимилированных и в прошлом состоятельных евреев, которые по личным соображениям не поддерживали идею отдельной еврейской воинской части. Члены Бунда, обладавшие ощутимым влиянием в посольских кругах, заняли принципиально враждебную «легиону» позицию. Один из оказавшихся в СССР лидеров Бунда, Люциан Блит,

⁵⁶ Kot, *Listy z Rosji*, p. 436.

⁵⁷ АЯВ. ОЗ/2863.

16 октября 1941 года подал генералу Андерсу заявление «по вопросу о плане создать воинскую часть из евреев, граждан Польши, на территории Советского Союза»⁵⁸. Блит пишет, что из штаба армии ему сообщили, что число евреев, записавшихся добровольцами в армию, превышает 9%, то есть выше доли евреев в общем населении Польши в предвоенные годы. «Этот факт, который должен был бы обрадовать всякого истинного патриота... создал, как видно, ряд трудностей психологического характера организаторам и командирам в разных частях нашей армии на территории Советского Союза. Причиной тому, как видно, стали антисемитские настроения польских солдат...» – жалуется Блит. В штабе, утверждает Блит, пытаются вырваться из царящей в армии атмосферы антисемитизма, направляя «излишек» еврейских добровольцев в трудовые отряды или создавая особые еврейские части. Ему известно, что эти тенденции получили поддержку некоторых еврейских деятелей, принадлежащих к крайнему флангу националистического лагеря. По его мнению, именно национал-социалистическая власть, поработившая ныне Польшу, заинтересована в разделении людей по расовому и национальному признаку, а создание отдельных еврейских воинских частей обязательно будет истолковано как моральная и политическая победа нацистов. Решение этого вопроса сопряжено с большой ответственностью, которую берет на себя польское командование на виду у всего мира. Еврейские националисты стремятся к созданию «еврейского гетто в польской армии», но это противоречит как польским государственным интересам, так и искреннему стремлению к совместной жизни, «бьющемуся в сердцах еврейских трудящихся масс Польши».

Кот, как обычно, исходил из политических соображений. С его точки зрения, отдельная воинская часть в будущем сыграла бы на руку Советам, заинтересованным в расколе среди поляков; с другой стороны, разделение по национальному признаку вызвало бы неодобрение свободных стран, особенно США. Удивительно, говорит Кот, что в рядах инициаторов и сторонников этой идеи соседствуют «ревизионисты – сторонники Жаботинского,

⁵⁸ Копию этого заявления Люциан Блит передал автору настоящей статьи в Лондоне в сентябре 1976 года.

адвокат К. из Варшавы, инженер Ш. из Вильно... а также офицеры – известные антисемиты, которые должны активно поддерживать создание отдельных еврейских воинских частей»⁵⁹.

По словам рава Розена, идею «еврейского легиона» в армии Андерса поддерживали три группы: а) истинные друзья евреев, желавшие помочь им и поддержать их национальные чаяния; б) офицеры – сторонники старого режима, которые завидовали Сикорскому и Андерсу и надеялись поддержкой «еврейского легиона» снискать симпатии еврейских кругов за рубежом; в) антисемиты, которые посредством «еврейского легиона» просто хотели убрать евреев из армии⁶⁰.

Андерс дважды касается вопроса об отдельных еврейских воинских частях. В своей книге он пишет:

Некоторые еврейские деятели хотели выдвинуть на первый план еврейскую специфику. В связи с этим ко мне обратились два видных представителя польского еврейства – Альтер и Эрлих. После многочисленных бесед они признались, что их проект нереален, поскольку мне пришлось бы тогда создать также украинские и белорусские части. Я стоял на том, что если мы формируем армию – преемницу Войска польского, то в нее могут входить все граждане, без различия религии и национальностей⁶¹.

Андерс пространно цитирует полученное им 31 октября 1941 года письмо руководителей Бунда, Альтера и Эрлиха: они занимают ту же позицию, что и он сам, то есть полагают необходимым создать единое военное формирование на основе равноправия, где найдется место евреям и полякам, а «главная задача этой армии – вооруженная борьба во имя свободной демократической Польши, общей родины всех своих граждан...»⁶². Андерс интерпретирует это письмо как отказ от прежних планов и согласие с его подходом.

Андерс вновь затронул этот вопрос в 1967 году, в интервью польскому журналисту, и сказал буквально так:

⁵⁹ Kot, *Listy z Rosji*, pp. 164–165.

⁶⁰ Rozen, *Cry in the Wilderness*, pp. 79–80.

⁶¹ Anders, *Bez ostatniego rozdziału*, p. 99.

⁶² *Ibid.*, pp. 99–100.

*Еще в СССР ко мне обратились еврейские лидеры с просьбой основать еврейскую воинскую часть. Я отказался, ведь чтобы быть последовательным, мне пришлось бы создать отдельные украинские и белорусские части, а это в Советском Союзе было бы весьма нежелательно. Подобные шаги подтвердили бы наличие в польской армии евреев, украинцев и белорусов, а этого советская сторона не могла допустить*⁶³.

Ясно, что утверждение Андерса о том, будто Альтер и Эрлих выдвинули идею о создании отдельных еврейских частей, а потом, под его влиянием, эту мысль отбросили, лишено оснований. С. Кот, старательно подчеркивающий каждую неудачу своего соперника Андерса, замечает, что слова командующего об Альтере и Эрлихе «не соответствуют истине»⁶⁴. Однако не следует полагать, что Андерс умышленно пытался ввести читателей в заблуждение, – скорее всего, он просто ошибся. Он совершенно не разбирался в позициях основных групп польского еврейства и в идейных разногласиях между ними и вполне мог приписать лидерам Бунда инициативу, с их точки зрения бессмысленную. Тем не менее позволительно предположить, что рассказ Андерса о его контактах с Альтером и Эрлихом отнюдь не выдумка: в книге он хвалит руководителей Бунда за патриотизм и верность польскому отечеству, а в записке, не предназначенной для публикации, гордится тем, что выставил обоих лидеров из своего кабинета⁶⁵. Видимо, Альтер и Эрлих, надеясь как-то повлиять на ситуацию в армии, сгладить напряжение между евреями и поляками, внесли какое-то предложение, в памяти же Андерса оно наложило на идею создания отдельной еврейской части, и так возникла эта не внушающая доверия версия.

Позднее и самому Кагану пришлось отказаться от своего плана. 29 марта 1942 года он послал Андерсу заявление, где писал, что предложение об отдельных еврейских воинских частях, которое он в свое время внес вместе с Шескиным, требует пере-

⁶³ Marian Hemar (ed.), *General Anders – Życie i chwala* (London: Polska Fundacja Kulturalna, 1970), p. 63.

⁶⁴ Kot, *Listy z Rosji*, p. 164.

⁶⁵ IHGS, KGA/24. В этой записке Андерс сообщает, что Альтер и Эрлих требовали назначить в армии еврейских командиров. Вероятно, члены Бунда, верные своей идеологической концепции, просили назначить в армии ответственных за еврейскую культурную деятельность.

смотра в свете изменившейся политической ситуации. Советские методы, призванные лишить евреев польского гражданства и не допустить их вступления в польскую армию, угрожают целостности польского государства. В этой ситуации необходима солидарность, а потому «не время говорить о специфически еврейских интересах». Заканчивая это заявление, Каган добавляет, что отправил подобный документ профессору Коту в Куйбышев. В самом деле, в телеграмме польскому Министерству иностранных дел в Лондоне от 25 марта 1942 года Кот отмечает, что К. сообщил ему письменно об отказе от своего предложения касательно еврейских частей, «поскольку теперь Советы запрещают набор евреев в польскую армию и могут использовать в своих интересах позицию ревизионистов».

В своем подробном свидетельстве Каган не упоминает ни о посланном Андерсу письме, ни о направленном Коту заявлении, а в разговоре с раввином Розеном он отрицал факт существования письма, что, впрочем, противоречит находящимся в нашем распоряжении свидетельствам⁶⁶. В послесловии к книге раввина Розена «Глас вопиющего в пустыне», увидевшей свет в 1966 году, Каган пишет: «...Если бы их попытка создать “еврейский легион” увенчалась успехом, вся еврейская история развивалась бы иначе»⁶⁷. Каган немилосердно преувеличивает. В письме, направленном в 1951 году Розену, Кот писал: «...Проблема еврейского легиона, который так и не был создан, хорошо мне знакома, и сегодня я считаю, что он целиком исчез бы в советских лагерях и никто из его бойцов не достиг бы ни Польши, ни Страны Израиля»⁶⁸.

Создать «еврейский легион» в армии Андерса не удалось, однако евреи иногда оказывались (временно) большинством в том или ином подразделении. Опытный инженер-электрик Д. Кац

⁶⁶ Розен рассказывает в своей книге, как в июле 1963 года встретился в Израиле с д-ром Каганом и спросил, верно ли, что тот отправил Коту письмо с отказом от своего предложения о создании «легиона». Каган, по словам Розена, категорически отрицал версию Кота; он заявил, что «никогда не писал подобного письма ни Коту, ни кому другому; он отвергал самую мысль о таком шаге. Он никогда не сомневался в идее легиона». В то же время существует письмо, написанное почерком д-ра Кагана и заверенное его подписью, где он признает, что при сложившихся обстоятельствах не считает свое предложение уместным и отказывается от него, и сообщает, что направил такое же письмо профессору Коту. См. IHGS, KGA/24.

⁶⁷ Rozen, *Cry in the Wilderness*, p. 236.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 231.

оказался в резервной части, где собрались специалисты (врачи, инженеры, адвокаты и т. п.)⁶⁹. Кац явился в Янгиуль и в мае 1942 года предстал перед медицинской комиссией; его признали негодным, поскольку он был евреем, тогда как поляки – будь они «увечными, скрюченными, горбатыми, одноглазыми» – все получили медицинскую категорию, позволявшую им служить в армии. Однако он был инженером, и поэтому его не отвергли безоговорочно, а записали в роту гражданских специалистов в составе армии⁷⁰. Кац описывает условия и режим в этой роте в самых мрачных тонах. В роте насчитывалось около 60 человек, «солидных и по возрасту, и по профессии», а большинство польских командиров были хамами, выставлявшими напоказ свой оскорбительный и «рассчитанный антисемитизм». Рота получала недостаточно продуктов питания, поэтому люди постоянно страдали от голода; они не имели одеял, обмундирования, исправных палаток, и спать им приходилось прямо на земле. Никто не потрудился обеспечить им такие же условия, какие обеспечивали обычным солдатам. И никто в роте не знал, что их ожидает, а когда один солдат спросил об этом старшего офицера дивизии, ему было сказано, по свидетельству Каца: «Да, надо будет устроить им экзамены, проверить дипломы, часть мы распределим [в другие части], а для остальных поставим две палатки, чтобы постепенно сдохли с голоду». Кац с горечью замечает, что эту часть создавали, предполагая, что «армия должна взять под свою опеку интеллигенцию» – интеллигенцию, которую нацисты в захваченных странах планомерно истребляли; однако в действительности «опека» больше напоминала «систему пыток». В конце июня 1942 года рота была расформирована: человек 10–12 зачислили в армию, а остальных – «несчастных, обессиленных людей, прошедших лагеря и тюрьмы за преданность Польше и ухватившихся за армию, как спасающийся хватается за соломинку, – выпроводили на все четыре стороны».

Еврейской воинской частью считался в армии еврейский батальон в Колтубанке (Колтубанка – железнодорожная станция⁷¹ неподалеку от Тощкого), контингент которого состоял из польских

⁶⁹ АЯВ. М-2/D-11.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Расположенный при станции поселок носит название Колтубановский. – Прим. ред.

кадровых военных, например танкистов. Каган видел в Колтубанке прообраз задуманной им воинской части, местную модель, «еврейский легион» в миниатюре⁷². По его словам, к нему обратился полковник Леопольд Окулицкий и предложил сформировать из служащих в армии евреев еврейский батальон. Если попытка пройдет успешно, сказал Окулицкий, можно будет создать дополнительные еврейские части такого типа. На специально созванном совещании было объявлено о цели формирования еврейской части, и симпатизировавший евреям полковник Ян Галадык добровольно вызвался ею командовать. Каган видит в поступке полковника проявление особого энтузиазма, поскольку обычно батальоном командовал офицер в чине майора. По Кагану, между евреями и поляками сложились нормальные отношения. Но нарисованную Каганом идеальную картину омрачает тот факт, что перед переводом из Тощкого в Колтубанку у еврейских солдат отобрали обмундирование и отправили их в дорогу в отрепьях, без провизии и имущества. Каган винит в этом происшествии злую волю польского офицера, выкреста, который так продемонстрировал свою враждебность к евреям, а вовсе не тенденциозную политику польского военного командования. Каган считает, что опыт Колтубанки был успешным, а распространения в армии не получил лишь из-за враждебного отношения Кота⁷³.

Нарисованная Каганом картина ни в одной детали не совпадает с тем, что рассказывает о формировании еврейского батальона в Колтубанке раввин Розен-Щекач⁷⁴. Как уже отмечалось, этот раввин был хорошо знаком с инициаторами создания «еврейского легиона», поддержал их начинание и дал ему свое благословение. Д-р Каган даже соглашается с Розеном в послесловии к его книге. Согласно Розену-Щекачу, еврейский батальон (отделенный затем от других частей и переведенный в Колтубанку) был создан в октябре 1941 года, то есть задолго до того, как идея «еврейского легиона» была отвергнута. Формированию батальона предшествовало отчисление евреев из рядов армии в Тощком, совершенное в вопиюще грубой форме и по откровенно антисемитским мотивам. Солдат созвали на построение, и юные офицеры,

⁷² АЯВ. ОЗ/2863.

⁷³ Там же.

⁷⁴ См. Rozen, *Cry in the Wilderness*, pp. 82–99 (глава «A Ghetto for Jews in Totzkoye»).

по словам автора, только недавно вышедшие из советских лагерей, приказали «всем людям Моисеева вероисповедания» выйти из строя. После этого евреев отправили на очередную медицинскую комиссию, которая и объявила большинство из них непригодными к службе в армии. О примененном в Тоцком способе изгнания евреев из армии стало известно Коту, который с горечью писал об этом в одном из своих отчетов⁷⁵.

Операция по формированию батальона в Колтубанке носила, по словам Розена-Щекача, характер «заклочения в гетто». Когда раввин рискнул выразить протест против оскорбительного отношения, полковник Галадык стал оправдываться: «Они верно чувствуют себя более счастливыми в казармах, устроенных по принципу гетто, чем бок о бок с антисемитами и гитлеровцами»⁷⁶. В ответ на протест раввина провели встречу, где офицеры пытались оправдать свое решение.

По словам рава Розена, накануне перевода в Колтубанку над еврейскими бойцами всячески издевались – например, обувь им выдали слишком маленьких размеров, и многие оказались босыми. Перевод в Колтубанку означал, по определению Розена, переход из маленького гетто Тоцкого в «большее гетто», насчитывавшее более 1000 человек⁷⁷. Узнав о дурной славе Колтубанки, Окулицкий попросил раввина Розена-Щекача отправиться туда и разобраться на месте, хотя и считал, по свидетельству раввина, что происходящее в Колтубанке «касается евреев, а не антисемитизма в армии»⁷⁸. Раввин нашел еврейскую воинскую часть в состоянии физического и морального упадка. Бойцам пришлось копать себе землянки в мерзлой земле, твердой как камень, при температуре 40 градусов ниже нуля. Первым делом раввина оказались похороны многочисленных умерших. Армейская кухня, которой заправляли поляки, порой «забывала» или просто отказывалась выдавать еду евреям. Командирами подразделений в батальоне были евреи, а батальоном в целом командовал поляк-антисемит в чине капитана. Полковник Галадык действительно находился в Колтубанке, но командовал не еврейской частью, а

⁷⁵ Kot, *Listy z Rosji*, p. 436.

⁷⁶ Rozen, *Cry in the Wilderness*, p. 87.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 88.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 92.

всей польской военной базой, размещенной на этой станции. Раввин Розен-Щекач уверяет, что Галадык желал евреям добра и намерения имел благие, однако он, в прошлом верный сторонник Пилсудского, оказался в Колтубанке не по своей воле, а был туда назначен – фактически сослан – сторонниками Сикорского. Евреев непрерывно изводили их польские товарищи по оружию, расквартированные в Колтубанке. Розен-Щекач пишет: «Еврейским солдатам запрещалось проходить по улице, относившейся к лагерю поляков... Еврейский солдат терпел там физические и моральные оскорбления самого мерзкого антисемитского свойства»⁷⁹. И добавляет, что в штабе польской армии при слове «Колтубанка» на лицах появлялись циничные усмешки; для евреев же Колтубанка стала очередным унижением.

Сведения о Колтубанке проникли на Запад⁸⁰. Рав Розен пишет, что история получила широкую огласку, но не сообщает, когда и где эти сведения были опубликованы. О вызванном ею резонансе мы можем судить по телеграмме, которую 19 марта 1942 года Сикорский отправил из Лондона в штаб польской армии в СССР. Сикорский спрашивал генерала Андерса, «был ли создан – или существует ли в данный момент – еврейский легион» в рамках польской армии в СССР, и требовал телеграфировать ответ⁸¹. Ответная телеграмма за подписью генерала Бохуша-Шишко от 22 марта уведомляла: «Я докладываю, что в польской армии в СССР не было и нет еврейского легиона»⁸².

Свою версию истории о Колтубанке Кот сообщил Сикорскому в отчете, охватывавшем период с сентября 1941 года по 13 июля 1942. Кот жалуется, что армия отказывается принимать предложения посольства, утверждая, что посольство руководствуется политическими соображениями, а армии следует держаться подальше от политики. В действительности же, пишет он, под маской аполитичности возникают сомнительные в политическом отношении инициативы.

⁷⁹ Ibid., p. 93.

⁸⁰ Розен пишет, что информацию о положении дел в Колтубанке передал за границу польский журналист еврейского происхождения Бернард Зингер (см. Rozen, *Cry in the Wilderness*, p. 151).

⁸¹ IHGS, KGA/24.

⁸² Ibid

Величайшим злом для нас обернулась антисемитская политика, проводимая прежде всего в Тоцком, где расположена 6-я дивизия и сосредоточен резерв. После дискуссий с некоторыми еврейскими ревизионистами, мечтавшими о еврейском легионе и еще на родине снискавшими расположение и авторитет в армейских кругах, там было решено выделить евреев в особые воинские части. Осуществлено это было совершенно вопиюще – приказом молодого офицера «Евреи, выйти из строя» – 7 октября. После этого евреев отделили от остальных и направили в Колтубанку, под начало известного своим антисемитизмом офицера. Следом начали отделять евреев в других частях или массово их увольнять, не выясняя, кто из них является ненадежным элементом, а чье исключение вызовет недовольство, опасное для польской политики. Один из высших чинов штаба⁸³ покровительствовал этому методу, сочетавшему антисемитские тенденции с амбициями ревизионистов. Он даже совещался с лидером ревизионистов из Варшавы⁸⁴.

Стремление Кота подчеркнуть партнерство антисемитов и ревизионистов не случайно. Кот считал, что ревизионисты заручились поддержкой и помощью ненавистного ему режима «Санации», и не упускал случая приравнять их к антисемитам, чаще всего, по его мнению, встречавшимся среди сторонников «Санации». Но даже отвлекшись от тенденциозности Кота, мы все равно вынуждены будем отклонить апологетическую версию Кагана. Очевидно, что нет ни малейших оснований представлять опыт Колтубанки в качестве частичного воплощения идеи «еврейского легиона» или первого этапа его создания: подобное представление никак не согласуется с мрачной действительностью, описанной раввином Розеном-Щекачом и другими свидетелями⁸⁵.

Но какова же была судьба еврейского батальона в Колтубанке? Розен утверждает, что накануне перевода польской армии в СССР в Среднюю Азию в мае–июне 1942 года «гетто в Колтубанке было автоматически ликвидировано», а находившиеся там евреи в большинстве своем были отчислены из армии, как то

⁸³ Имеется в виду, несомненно, Окулицкий, который был сброшен в Польшу с парашютом после поражения Варшавского восстания в 1944 году и командовал подпольным польским военным формированием, подчинявшимся польскому правительству в изгнании, – Армией крайовой. После войны Окулицкий был схвачен советскими властями, судим и казнен.

⁸⁴ Kot, *Listy z Rosji*, p. 436.

⁸⁵ АЯВ. ОЗ/702.

происходило в других частях. Тем не менее некоторым удалось продержаться в армии на азиатской территории СССР до августа 1942 года, и они были эвакуированы вместе с остальными. Раввин Розен не сообщает, сколько евреев из Колтубанки осталось в армии и в каких частях они служили после вывода армии Андерса в Иран⁸⁶.

Сохранилось другое свидетельство о последних днях еврейского батальона в Колтубанке⁸⁷. Меер Люстгартен, к воспоминаниям которого мы уже обращались по другому поводу, пишет:

В конце зимы 1942 года все мы покинули лагерь и были доставлены поездом в Узбекистан, в Среднюю Азию, в город Гузар на границе с Афганистаном. Спустя несколько недель туда прибыл еврейский батальон из села Колтубанки. Когда в Тоцком еврейских солдат выводили из рядов польской армии, польские командиры предполагали очистить армию от евреев, чтобы те не попадались им на глаза. Они не ожидали, что эти несчастные евреи, изгнанные было из армии, обойдут поляков. Поляки были потрясены, увидев евреев в форме польской армии: все как один молодцевато смотрятся, хорошо одеты и маршируют с песней на устах, с гордо поднятой головой.

Стало быть, постепенно в еврейском батальоне в Колтубанке произошли заметные изменения к лучшему. Вероятно, к этим переменам привело прежде всего улучшение общего материального положения польской армии в 1942 году, однако и смещение командира-антисемита с поста, и вмешательство из-за границы благотворно сказались на батальоне. Коль скоро ситуация улучшилась, возросло и желание евреев доказать свою пригодность к воинской службе. Возник своеобразный патриотизм еврейской части. Тут проявил себя потенциал, заложенный в идее создания отдельных еврейских формирований и их автономного развития в рамках польской армии. Свидетельство Люстгартена доказывает, что утверждение Розена о ликвидации еврейского батальона накануне переброски польского контингента в Среднюю Азию безосновательно. Но из рассказа Люстгартена нельзя установить, была ли проведена «чистка» батальона в Колтубанке по примеру «чисток» в других частях польской армии.

⁸⁶ Rozen, *Cry in the Wilderness*, p. 216.

⁸⁷ АЯВ. ОЗ/702.

Люстгартен сообщает, что и в Гузаре некоторые пытались позидеваться над еврейским батальоном, однако теперь спаянный коллектив мог за себя постоять. Люстгартен пишет:

Вскоре после того, как батальон из Колтубанки прибыл в Гузар – я тоже был переведен туда в качестве инструктора, – я ощутил странность происходящего. Меня окружали носатые физиономии, семитские типажи, они свободно разговаривали друг с другом на идише, по вечерам солдаты собирались вместе и пели еврейские народные песни – и все это происходило в польской армии. Я не узнавал в этих ребятах обитателей еврейской улицы в странах рассеяния. Приглядевшись к ним поближе, я понял, что черты, отличающие еврея в странах рассеяния (робость, страх), вовсе не обязательно свойственны евреям. Так я поверил, что евреи способны быть хорошими солдатами, когда ощущают себя свободным народом.

Люстгартен сообщает, что из Гузара еврейский батальон был переброшен поездом в Красноводск, на берег Каспийского моря. Из Красноводска солдаты отплыли в порт Пехлеви в Иране и прибыли туда весной 1942 года, незадолго до Песаха. В Иране еврейский батальон был расформирован, так как англичане отказались перебросить его в Страну Израиля в качестве отдельной воинской части⁸⁸. А Кот пишет, что не знает ничего о судьбе еврейского батальона из Колтубанки⁸⁹.

4. Приказы Андерса, касающиеся евреев

Продолжая рассказ об отношении военного командования к «еврейскому легиону» и к отдельным еврейским частям, Кот пишет:

После совещания, которое состоялось в посольстве 24 октября [1941 года] и в котором приняли участие представители нескольких еврейских партий, генерал Андерс притормозил это вредное движение. 14 ноября он отдал весьма разумный приказ, касающийся отношения к евреям в армии, однако столкнулся в Тоцком с настолько сильной оппозицией, что в дополнение к первому приказу отдал второй, содержавший рискованные в политическом отношении

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ См. письмо Кота Розену (Rozen, *Cry in the Wilderness*, p. 231).

пункты. О предстоящем «сведении счетов» с евреями на родине немедленно стало известно за границей, и командир польской армии снискал славу врага евреев⁹⁰.

Оба приказа, о которых пишет Кот, нам известны. Оба были отданы в Бузулуке, первый 14 ноября 1941 года⁹¹, второй – 30 ноября 1941 года. В первом приказе Андерс стремится однозначно определить место евреев в армии и предписать желательное к ним отношение. Он требует подчиняться содержащимся в приказе инструкциям и строго их исполнять и обязывает как командиров, так и рядовых солдат придерживаться «ясной, последовательной и недвусмысленной» линии поведения в отношении евреев. Кроме того, пишет он, следует «положить конец распространяемым за нашей спиной слухам и наветам о мнимом антисемитизме в армии» – слухам и наветам, которые, по его мнению, измышляются за рубежом. В этом приказе Андерс утверждает, что еврейские военнослужащие обладают теми же правами и обязанностями, что и остальные польские граждане, и в армии к ним следует относиться с теми же «искренностью, сердечностью и доверием», что и к остальным солдатам. Во избежание недоразумений он объясняет основные принципы набора в действующую армию: офицеры, кадровые младшие командиры, рядовые с опытом военной службы и добровольцы, прошедшие предармейскую военную подготовку и признанные призывной комиссией годными, зачисляются в армию немедленно, остальные же направляются в южные республики СССР, где их запишут в резервные формирования на случай будущей мобилизации. Все это должно было опровергнуть измышления о том, что евреям якобы чинят препятствия при вступлении в армию. «Я приказываю всем находящимся в моем подчинении командирам решительно бороться со всеми проявлениями расистского антисемитизма...» Кроме того, следует разъяснить солдатам, что Польша всегда была верна принципам демократии и терпимости и отходить от них недопустимо. На еврея и поляка в армии распространяются одни и те же

⁹⁰ Kot, *Listy z Rosji*, p. 436.

⁹¹ Копии этих приказов хранятся в фонде Фризнера (АЯВ). Текст второго приказа можно найти в книге Кота (*Kot, Listy z Rosji*, pp. 465–466) и в отчете “*Sprawozdanie z działalności Reprezentacji Żydostwa Polskiego w latach 1940–1945*”. См.: ЦСА. J25/54/VI. Л. 118–119.

законы. Предпринимать против еврея какие-либо действия можно, только «если он не умеет с честью носить мундир бойца Польской Республики и забывает, что он польский гражданин»⁹².

Этот приказ, демонстрирующий четкую и внятную позицию по ряду ключевых вопросов, несомненно должен был повлиять на практику мобилизации и на обстановку в армии. Со слов Кота и из первоначального текста приказа ясно, что его отдал Андерс, а никак не Сикорский, как утверждается в источнике, опубликовавшем второй приказ Андерса в Стране Израиля⁹³. Однако авторитетный и решительный приказ Андерса был, как уже отмечалось, не единственным указом, объявлявшим польской армии в СССР волю и позицию главнокомандующего. Примерно двумя неделями позже Андерс отдал второй приказ, дух и буква которого во многом свели на нет благотворное влияние первого.

Второй приказ открывается ссылкой на приказ предшествующий⁹⁴. В первом приказе сформулировано официальное политическое кредо главнокомандующего по еврейскому вопросу, однако Андерс не хочет быть «неверно истолкованным» своими командирами. «Я хорошо понимаю причины проявлений антисемитизма в рядах армии»; это отголоски нелояльного, а порой и враждебного поведения польских евреев в 1939–1940 годах. «Поэтому я не удивляюсь, что наши солдаты, пылкие патриоты, обостренно реагируют, коль скоро им кажется, что наше правительство и наша армия, поглощенные заботами нынешнего дня, забывают опыт прошлого. С такой точки зрения наша защита евреев может выглядеть непонятной, исторически несправедливой, странной». Однако нынешняя польская политика, объясняет Андерс, связанная с политикой Великобритании, требует от нас хорошо относиться к евреям, поскольку евреи обладают заметным влиянием в англосаксонском мире. Солдаты должны понять, что польские государственные интересы обязывают нас не враждовать с евреями, что антисемитизм может привести к тяжким последствиям. «Поэтому я рекомендую разъяснить нашу

⁹² АЯВ. Фонд Фризнера. № 1730.

⁹³ См. подпольный еженедельник Хаганы «Эшнав» от 28 июня 1943 года.

⁹⁴ Второй приказ начинается словами: «В связи с прилагаемым приказом № 1730, направленным мной 14.11.1941 из канцелярии штаба касательно участия евреев в польских вооруженных силах в Советском Союзе, я поясню и настоятельно доведу до сведения подчиненных мне командиров следующее...» (Kot, *Listy z Rosji*, p. 465).

позицию во вверенных вам частях в сдержанной и пристойной манере и недвусмысленно предупредить чересчур горячих и вспыльчивых», что сейчас любые проявления борьбы с евреями запрещены и будут строго караться, – но «когда после победного боя мы вновь станем хозяевами в своем доме, мы уладим вопрос с евреями так, как того требуют величие и суверенность нашего отечества, а также простая человеческая справедливость»⁹⁵.

Эти два приказа не просто принципиально различны – зияющие противоречия между ними бросаются в глаза; трудно поверить, что их написал один человек, причем с интервалом всего в две недели. Однако противоречивая и изворотливая натура Андерса становится понятнее, если сравнить его публичные выступления со словами, сказанными им Сталину в конфиденциальной беседе, или с заметками, которые хранятся в его архивном фонде⁹⁶. Кот, как уже говорилось, утверждал, что Андерс пошел на попятный и отступил от духа первого приказа под влиянием командного состава 6-й дивизии в Тоцком. Мы не знаем, достоверна ли эта версия, поскольку Кот видел в командирах из Тоцкого сборище своих политических противников, людей Пилсудского, и относился к ним с подозрением. Однако не приходится сомневаться, что Андерс резко изменил дух и букву своих речей под напором критики со стороны своих товарищей и подчиненных. Не приходится сомневаться и в том, какой из двух приказов выражает истинные суждения и чувства Андерса⁹⁷.

В первом приказе Андерс утверждает, что в армии вообще нет антисемитизма и лишь враждебные силы злонамеренно приписывают полякам ненависть к евреям; поляки же должны сознавать это и вести себя ответственно. Из второго приказа явствует, что антисемитизм есть, и главнокомандующий прекрасно понимает его истоки. На сей раз он не требует решительно бороться со всеми проявлениями антисемитизма, он просит лишь попридержать самых горячих, скорых на расправу. В первом приказе

⁹⁵ См. прим. 91.

⁹⁶ Имеется в виду его заметка «Еврейская проблема» (IHGS, KGA/24).

⁹⁷ Стоит указать, что Андерс еще до войны был близок к эндекам. Он присутствовал на собрании, где была предпринята попытка к сближению между определенными кругами эндеков и «Санацией». Подробнее см. Jerzy Janusz Terej, *Rzeczywistość i polityka: ze studiów nad dziejami najnowszymi Narodowej Demokracji* (Warszawa: Książka i Wiedza, 1971), pp. 50–51.

протест против антисемитизма базируется на конституционных и идейных принципах, которыми руководствуется польское государство, тогда как во втором приказе этот протест представлен вынужденным политическим шагом, продиктованным нуждами текущего момента. Истинное же сведение счетов поляки откладывают на будущее, когда они снова смогут действовать по своей воле в своей освобожденной стране.

Кот отмечает, что второй приказ Андерса стал известен за рубежом и принес польскому главнокомандующему дурную славу. Андерс вынужден был радикально отойти от духа первого приказа под влиянием своих товарищей и подчиненных, и это говорит о том, что враждебное отношение к евреям отличало отнюдь не одного лишь главнокомандующего. Напротив, многих и многих в армии даже соображения оппортунизма не могли подвигнуть на защиту евреев. Поголовный и беспросветный антисемитизм в польской армии, о котором свидетельствуют все евреи, независимо от взглядов, образования и занимаемой в армии должности, доказывает, что даже лицемерная терпимость, предписанная вторым приказом, осталась мертвой буквой и не была принята армией. Свидетели сообщают о безрезультатных попытках обуздать антисемитизм «сверху»⁹⁸. М. Каган отмечает, что чем больше поляки обретали уверенность в себе и чувство превосходства, — иначе говоря, чем крепче делалась их армия и чем лучше становилась ее снабжение и оснащенность, — тем чаще происходили антиеврейские выступления⁹⁹. Отсюда следует, что со временем антисемитизм в польской армии не только не исчез бы, но сделался бы еще сильнее. «Антисемитизм проявлялся в оскорблениях и в нанесении телесных повреждений», — утверждает свидетель, врач по профессии¹⁰⁰. Другой свидетель сообщает, что антисемитизм, в частности, выражался в том, что евреев «часто и вне очереди направляли на физические работы, всячески оскорбляли, и при этом жалобы евреев не рассматривались и виновные оставались безнаказанными»¹⁰¹. В то же время необходимо отметить, что не-

⁹⁸ АЯВ. ОЗ/2502.

⁹⁹ Там же. ОЗ/2863.

¹⁰⁰ Там же. ОЗ/2502.

¹⁰¹ Там же. ОЗ/2605.

которые офицеры и командиры стремились защитить вверенных им евреев от антисемитизма и, несмотря на все трудности, вели себя по отношению к евреям порядочно и доброжелательно.

В еженедельнике Хаганы «Эшнав», издававшемся в Стране Израиля под редакцией Элиэзера Либенштейна (Ливне), 28 июня 1943 года был опубликован второй приказ Андерса¹⁰². В то время часть контингента армии Андерса размещалась в Стране Израиля, и возмущенная реакция еврейского *ишува* не заставила себя ждать. Представительство евреев Польши (*Reprezentacja Żydostwa polskiego*), штаб которого находился в Стране Израиля и которое объединяло активистов всех сионистских партий (за исключением ревизионистов) и партии «Агудат Исраэль», усмотрело в приказе Андерса декларацию, «неизбежно способствующую усилению антисемитских тенденций, а не их ослаблению». Члены Представительства обратились к премьер-министру и министру обороны В. Сикорскому с письмом, где указывали, что этот приказ противоречит официальным и обязывающим заявлениям польского правительства в Лондоне; они спрашивали, собирается ли правительство предпринять какие-либо меры, и интересовались, какие выводы оно предполагает сделать из истории с приказом¹⁰³. Они отправили письмо Сикорскому 5 июля 1943 года, и в тот же самый день было получено известие о гибели Сикорского в авиационной катастрофе в районе Гибралтара.

В конце июня 1943 года Страну Израиля посетил один из лидеров Социалистической партии Польши, министр в польском правительстве в изгнании Ян Станьчик, который 1 июля встретился в Тель-Авиве с членами Представительства¹⁰⁴. Секретарь Представительства д-р Авраам Ступп среди прочего сказал: «Сейчас я вынужден затронуть весьма болезненную тему. Передо мной лежит циркулярное письмо генерала Андерса, разъясняющее его позицию по поводу антисемитских настроений в армии». Здесь Станьчик прервал д-ра Ступпа и заявил: «Я знаком с его содержанием», но д-р Ступп продолжал объяснять, как этот приказ может быть истолкован. В ответ Станьчик сказал следующее:

¹⁰² Там же. Фонд Фризнера.

¹⁰³ ЦСА. J25/54/VI. Л. 118–120.

¹⁰⁴ Там же. Л. 107–117.

Отдавая этот приказ, Андерс мог руководствоваться не самыми дурными мотивами. В сложившейся обстановке он хотел объяснить спорный вопрос, ставший камнем преткновения. Он сделал это не лучшим образом. Андерс – всего лишь солдат, а не политик. Политик сделал бы это иначе, лучше. Но не надо превращать это в международную проблему. Я знаю, едва слух дойдет до зарубежных стран, начнутся крики об антисемитизме в польской армии, что может спровоцировать еще более резкую реакцию поляков...

Далее Станьчик сказал: «Я не отрицаю и признаю, что в армии и среди прибывших из России встречаются антисемитские настроения. Я заявляю об этом с болью, но приказами положения не исправишь»¹⁰⁵.

12 июля 1943 года, то есть меньше чем через две недели после встречи Станьчика с делегацией Представительства, в штаб организации пришло письмо от польского генерального консульства в Тель-Авиве. В письме сообщалось о беседе министра Станьчика с Андерсом, в ходе которой генерал категорически отрицал существование приписываемого ему приказа и «утверждал, что этот текст является фальшивкой». Станьчик, со своей стороны, добавляет: «Я убежден, что речь идет о подделке вражеской пропаганды, которая стремится испортить отношения поляков с евреями»¹⁰⁶.

Кот, в 1955 году опубликовавший в Лондоне книгу своих воспоминаний, включил в нее, среди прочих документов, и пресловутый приказ Андерса¹⁰⁷. Правда, в то время Кот вел борьбу с Андерсом, но недостоверный документ он не включил бы в книгу ни при каких обстоятельствах. Примечательно, что Андерс в своей книге предпочел проигнорировать этот приказ. Тем не менее на встречах с евреями Андерс снова утверждал, что этот приказ – фальшивка. 19 сентября 1943 года в Тель-Авиве, в доме польского генерального консула д-ра Х. Розмарина, состоялась встреча Андерса с делегацией Представительства. На встрече инженер Аншел Райс намекнул, что в армии «его предупредили... остерегаться антисемитских выходов и при этом подчеркнули, что счеты с евреями будут сводиться по возвращении на родину».

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. Л. 120.

¹⁰⁷ Знаменательно, что этот приказ, приведенный в польской версии книги Кота, был изъят при публикации его воспоминаний на английском языке.

Тут Андерс его прервал и сказал: «Я знаю, что какое-то отребье напечатало приказ, будто бы отданный мною и в таком именно духе. Однако я не хочу даже спорить по этому поводу. Это фальшивка, подобного приказа не было»¹⁰⁸.

Реакция общественного мнения на этот приказ по-прежнему беспокоила польские инстанции. В отчете польского генконсула в Иерусалиме польскому министру иностранных дел в Лондоне (без даты) сообщалось, что из-за волнений, вызванных публикацией приказа в «Эшнаве», консул счел нужным послать своего заместителя Вебера для разъяснительной беседы с Ицхаком Гринбоймом. Посланник еще раз подтвердил, что означенный приказ вовсе не был отдан, и Гринбойма попросили успокоить общественность. Гринбойм изъявил готовность выполнить просьбу консула – после согласования с членами Еврейского агентства. Кроме того, он попросил консула прислать ему письмо, содержащее такие слова: «Документ, опубликованный в “Эшнаве”, о существовании которого он [Гринбойм] слышал еще полгода назад, вообще не был издан»¹⁰⁹.

Еще раз речь об этом приказе заходит на встрече еврейских представителей – д-ра Шварцбарта, члена Национального совета Польской Республики в Лондоне, и д-ра Тартаковера, делегата Всемирного еврейского конгресса, – с преемником Сикорского, польским премьер-министром Станиславом Миколайчиком, которая состоялась в Лондоне 13 января 1944 года. Шварцбарт, говоря о положении в армии, упомянул приказ Андерса. Миколайчик заметил, что Андерс называет этот приказ фальшивкой; Шварцбарт ответил:

Да, мне это известно. Однако есть свидетели, министры и прочие, которые выступили против этого приказа, когда он был отдан. Мы знаем, что в одной из телеграмм этот приказ был назван фальшивкой. Публично опровергать это я не стану, но в нашем кругу не стоит ожидать, что я поверю, будто приказ – фальшивка.

Глава правительства промолчал и лишь минуту спустя заявил: «Этим я тоже займусь»¹¹⁰.

¹⁰⁸ ЦСА. J25/54/VI. Л. 136–137.

¹⁰⁹ IHGS, 755/2, А. 11 (без даты).

¹¹⁰ АЯВ. М–2/754.

Антисемитизм в польской армии был, безусловно, общим явлением; уходя корнями в традиции прошлого, он опирался на идейные и политические концепции межвоенной Польши. Различные слои польского общества, не в силах критически взглянуть на свое прошлое, не поняли, насколько разрушительную роль сыграл антисемитизм во внутренней жизни Польской Республики. Они не осознавали, что под личиной антисемитизма в их страну проникает враждебное им нацистское влияние. Польская армия в СССР явилась самой обширной ареной встречи поляков и евреев в годы Второй мировой войны, поскольку на территории Польши евреев отделили от польского населения стены гетто, а в местах сосредоточения эмигрантов – например, в Лондоне – оказались лишь немногие польские евреи, и взаимоотношения сторон складывались по большей части в рамках всевозможных переговоров, не достигая ни естественности, ни откровенности.

Польское политическое руководство отдавало себе отчет в том, что антисемитизм наносит ущерб его интересам, и беспокоилось, как воспримут ненависть к евреям общественное мнение в свободных странах и влиятельные еврейские круги на Западе. Но поскольку политика руководства оставалась двусмысленной и диктовалась тактическими соображениями, в поведении поляков и в различных их публикациях то и дело возникали прорехи, сквозь которые проглядывали истинные чувства. Нельзя забывать, что в широкой политической коалиции в Лондоне видное место занимали эндеки, идеологические и политические концепции которых во многом строились на юдофобии. Как мы видели, именно офицеры отличались наиболее откровенным антисемитизмом, и их позиция не составляла тайны для рядового состава.

5. Вывод армии Андерса из Советского Союза

Полный вывод армии Андерса из Советского Союза был следствием как напряженности и подозрительности, царивших между поляками и советскими властями, так и внутренних разногласий и соперничества среди поляков. Согласно оперативному соглашению, подписанному польскими и советскими генералами, предполагалось, что поляки будут постепенно готовить свой контингент и вводить его в боевые действия воинскими частями размером не меньше дивизии под началом советского верховного

командования¹¹¹. Возможно, польские генералы не вполне отдавали себе отчет в обязательствах, которые это соглашение на них накладывало. Так или иначе, польские государственные и военные руководители хотели создать большую армию, которая – со временем, по достижении полной боевой готовности – была бы введена в бой как единое целое, причем мера ее участия в боевых операциях определялась бы с учетом польских государственных интересов. Советская же сторона с конца 1941 года настаивала на переброске отдельных польских частей на фронт. Поляки возражали, ссылаясь на то, что они еще не подготовили свою армию к выполнению ее задач. Советская сторона, по своему обыкновению, оказывала давление – сокращала пищевые пайки и урезала материальное снабжение армии Андерса. Советский Союз недвусмысленно давал понять, что не намерен долго содержать на своей территории армию, которая не воюет. Положение создалось невыносимое, и стороны должны были найти какой-то выход.

Тем, кто оказался в рядах армии Андерса после советских лагерей и ссылки, действительно необходимо было набраться сил и пройти курс военной подготовки, прежде чем идти в бой. Формирующуюся польскую армию разместили вначале во временных лагерях в районе Волги, где солдаты страдали от тяжелого климата. Во время визита Сикорского в Москву поляки просили у Сталина разрешения перевести свои части в географически более благоприятное место. В качестве основного плацдарма был предложен Узбекистан. Резкий переход в жаркие районы, где свирепствовали болезни, привел к массовым эпидемиям. Добавляла проблем удаленность от штаба и от центров, где принимались политические решения.

Впервые вопрос о частичном выводе армии за пределы СССР поднял еще Сикорский на переговорах со Сталиным. Мы уже видели, что Сталин отреагировал весьма резко, но в конце концов было решено, что контингент в размере 25 000 человек покинет СССР и усилит польское формирование на Западе. Тем не менее позиция Сикорского, в сущности, не предусматривала полного вывода польских войск из СССР. Польский премьер-министр хотел, чтобы его бойцы сражались на разных фронтах, освобож-

¹¹¹ См. об этом в примечаниях Кота (Kot, *Listy z Rosji*, pp. 38–40).

дали Польшу с разных сторон. Сикорский понимал, что при таком подходе важнейшее значение приобретает советский фронт; к тому же, сражаясь бок о бок с Советами, поляки обеспечили бы себе дополнительный козырь в будущих переговорах о восточных границах Польши. Англичане, в свою очередь, были заинтересованы в выводе польского контингента из СССР, надеясь с его помощью укрепить свои военные позиции в наиболее уязвимых точках.

Не приходится сомневаться, что соображения польского правительства не укрылись от советской стороны, которая хитроумно обходила политические инстанции поляков и налаживала связь непосредственно с Андерсом и его офицерами, тонко играя на амбициях генерала. Со временем Андерс оказался независим не только в военном, но и в политическом отношении. В России Андерс сумел продемонстрировать свою независимость Коту, а в Лондоне – заручиться поддержкой польских оппозиционных кругов, видевших в Андерсе сильного соперника Сикорского. Советы собирались избавиться от польской армии, которая стала политической проблемой, и уже задумывали новую польскую армию под началом Берлинга, которая была бы послушна в политическом отношении и на которую можно было бы положиться в определении не только будущих границ, но и государственного устройства освобожденной Польши. Мы не знаем, кто поднял вопрос о полном выводе польской армии – Андерс или Советы. Андерс, во всяком случае, принял это решение, не дожидаясь правительственного подтверждения из Лондона¹¹². Можно представить себе резоны Андерса. Можно предположить, что он опасался за судьбу своей армии в Советском Союзе и видел в ее эвакуации путь к спасению и к новым военным базам. Можно также предположить, что он не желал дробить свой контингент, поскольку размеры и сплоченность армии укрепляли его собственный статус.

Не следует забывать и об ошибке Андерса: он полагал, что СССР не устоит под мощным натиском нацистов, и надеялся вывести польскую армию из СССР – района неминуемого поражения. Попытки заручиться согласием советской стороны на про-

¹¹² Kot, *Listy z Rosji*, pp. 45–53; Edward J. Rozek, *Allied Wartime Diplomacy: A Pattern in Poland* (New York: Wiley, 1958), p. 112.

должение набора в польскую армию (по соглашению с польским правительством в Лондоне) после вывода этой армии за пределы СССР были встречены решительным отказом. Вывод польской армии позволял советской стороне раздробить помощь, поступавшую из польского посольства, и приступить к формированию политической и военной силы, ядро которой составили бы немногочисленные польские коммунисты и их союзники, находившиеся тогда на территории Советского Союза. Поляки в Лондоне и люди Андерса, видимо, полагали, что Советам не удастся впрячь поляков в свою повозку и что как не появился в оккупированной нацистами Польше свой Квислинг, так не возникнет и польское формирование, служащее интересам СССР. Позднее они с горечью убедились в своей ошибке и осознали, сколь драматически она сказалась на судьбах Польши.

Вывод польской армии осуществлялся в два этапа. Советский Союз покинули около 114 000 поляков, военнослужащих и гражданских; советская сторона согласилась отпустить вместе с военными членов их семей и некоторые группы гражданского населения, например детей. На первом этапе, в марте–апреле 1942 года, отбыли около 44 000 человек (31 500 военных и 12 500 гражданских), а на втором, в августе–сентябре 1942 года, Советский Союз покинули свыше 70 000 человек (почти 45 000 военнослужащих и свыше 25 000 гражданских)¹¹³. Как мы уже говорили, железнодорожные транспорты прибывали в порт Красноводск на Каспийском море, а оттуда на судах людей переправляли в Иран, в Пехлеви. Так завершилась история польской армии, созданной на территории СССР и руководимой из Лондона польским правительством в изгнании. Этой армии не суждено было достичь величия, о котором мечтали поляки. На пути ее возникали все новые препятствия – политика советской стороны, сокращение снабжения, климатические и санитарные условия. Но и сами поляки не допустили в ряды армии многих, кто желал в нее вступить. Армия, насчитывавшая в декабре 1941 года 34 000 человек, выросла в марте 1942 года до 66 000 солдат¹¹⁴. На заключитель-

¹¹³ Pobóg-Malinowski, *Najnowsza historia*, vol. 3, pp. 229–230.

¹¹⁴ Побуг-Малиновский приводит следующие данные: на первом этапе были эвакуированы 43 254 человека, из них 30 799 военных; на втором этапе – 70 289 человек, из них 44 832 военных.

ной стадии, накануне последней эвакуации, была проведена еще одна поспешная мобилизация. В целом из СССР были эвакуированы почти 72 000 бойцов армии генерала Андерса¹¹⁵.

Амнистия и мобилизация означали превращение заключенного в свободного солдата, переход из нищеты и бесприютности в систему, которая заботится об удовлетворении основных человеческих потребностей. Эвакуация же предоставляла шанс полного освобождения и выхода в свободный мир. Когда стало известно, что эвакуировать будут не только военнослужащих, но и их родных и просто польских граждан, люди со всех концов страны потянулись на юг, к открывающимся воротам.

Подсчитаем же долю эвакуированных евреев и рассмотрим, как относились к евреям поляки во время эвакуации. Согласно еврейским источникам, СССР покинули около 6000 евреев, – по сообщению одного из этих источников, около 3500 солдат и 2500 гражданских лиц¹¹⁶. Вместе с большой группой эвакуируемых детей вывезли еще почти 1000 евреев – так называемых «тегеранских детей»¹¹⁷. В итоге доля вывезенных евреев составила 5% среди военнослужащих (5% рядовых и 1% офицеров) и 7% среди гражданских¹¹⁸.

На первом этапе эвакуации в Иран прибыли около 700 евреев – гражданских лиц¹¹⁹. Польские власти утверждали, что в ходе эвакуации советская сторона, строго придерживаясь своей интерпретации гражданства, воспрепятствовала выезду большего числа евреев. Но выясняется, что по крайней мере в одном случае сотрудники НКВД, надзиравшие за транспортом, вынудили поляков эвакуировать большую группу евреев, которых поляки не хотели зачислить в армию. В дороге и по прибытии в Иран эти евреи страдали от оскорблений и нападок командовавших ими

¹¹⁵ Побуг-Малиновский сообщает, что были вывезены 70 292 военнослужащих (Pobóg-Malinowski, *Najnowsza historia*, vol. 3, p. 241), Розек же говорит о 77 000 военнослужащих (Rozek, *Allied Wartime Diplomacy*, p. 112).

¹¹⁶ ЦСА. J25/54/VI. Л. 38. Андерс говорил об эвакуации 4 000 евреев.

¹¹⁷ Группа еврейских детей из Польши, в большинстве своем сирот, которых Еврейское агентство взялось доставить из восточных районов СССР в Страну Израиля. «Тегеранские дети», как их называли работники Еврейского агентства, добрались до Палестины, через Индию и Аден, только в феврале 1943 года. – *Прим. ред.*

¹¹⁸ Там же. Л. 35.

¹¹⁹ Там же. Л. 37.

польских офицеров, которые по-прежнему отказывались принять их в армию. Это стало известно на Западе и явилось причиной запроса, сделанного Ицхаком Шварцбартом в Лондоне. Корреспондент агентства ЮПИ Шапиро сообщал о различных инцидентах в американскую печать. Началось расследование. Возглавлявший транспорт подполковник Пстроконьский так описал присоединение еврейской группы:

*...2. В пути – если память меня не подводит, это было 25 марта 1942 года – мы оказались поставлены перед фактом: советские власти присоединили к нашему транспорту пять вагонов с гражданским населением – почти исключительно евреями. Согласно моим спискам там было 330 человек, среди них несколько детей. О подцеплении этих вагонов нам ничего не сообщили. Просто на одной из станций нам стало ясно, что они присоединены к поезду и едут вместе с нами...*¹²⁰

А офицер Довгялло, которому эти евреи оказались непосредственно подчинены и против которого было выдвинуто больше всего обвинений, сообщает, что в прицепленных вагонах было 300 человек, из них 90% – евреи: некоторые очень юные (допризывного возраста), некоторые пожилые, но в основном молодые мужчины¹²¹.

Вот как описывает этот эпизод еврейский источник.

Накануне вывода из России первых воинских частей польской армии, то есть 22 марта 1942 года, в место расположения дивизии были направлены из военкоматов 300 евреев, получивших от русской квалификационной комиссии категорию «А» (польская медицинская комиссия к тому времени уже не функционировала). Однако [поляки] велели им возвращаться туда, откуда пришли. Некоторые из них потребовали вмешательства НКВД, другие обратились к польским властям с вопросом, почему не выдают обмундирование и почему отсылают назад. Польские власти ответили, что у них не хватает вагонов, чтобы транспортировать новых людей. НКВД немедленно предоставил вагоны, и благодаря этому их взяли в Иран, однако обмундирования так и не выдали. В порту Пехлеви в Иране всем евреям, не имевшим военной формы, сказали, что они могут идти куда пожелают. В этой ситуации некоторые

¹²⁰ IHGS, KGA/24.

¹²¹ Ibid.

евреи обратились к британским властям с просьбой о вмешательстве, и лишь по приказу британских властей им всем было выдано обмундирование и они были зачислены в армию¹²².

Отзвуки первого этапа эвакуации определили отношение ко второму. Эвакуацией евреев заинтересовались сам Андерс и его заместитель генерал Бохуш-Шишко. 31 июля генералы Андерс и Бохуш-Шишко и представлявший советскую сторону генерал-лейтенант НКВД Г.С. Жуков подписали протокол, где объяснялось, кто из евреев имеет право на эвакуацию¹²³. В 1-м пункте этого документа говорится, что родственники военнослужащих, жители Украины и Белоруссии, не имеющие польского гражданства, могут уехать, только если будет доказано, что они и впрямь состоят в близком родстве с военнослужащими польской армии в СССР. Во 2-м пункте сказано, что следует подать отдельные (и заверенные командованием) списки членов семей жителей Украины и Белоруссии – не поляков по национальности. 3-й пункт содержал запрет на эвакуацию советских граждан – даже тех, кто сочетался браком с польскими военнослужащими во время их временного проживания в СССР.

Разумеется, согласие Андерса подписать подобный протокол уже порождает вопросы. Но интерпретация этого документа, на которой Андерс неизменно настаивал, превосходит жесткостью ограничений все официальные предписания. На встрече с несколькими раввинами и еврейскими деятелями и в докладе, направленном в Лондон, Андерс утверждал, что советское правительство «согласно на эвакуацию ближайших родственников лишь тех евреев, которые служат сейчас в частях, находящихся в Советском Союзе»¹²⁴. Иными словами, Андерс препятствовал выезду членов семей тех военнослужащих, что были эвакуированы на первом этапе, мотивируя это волей советской стороны. Кроме того, Андерс совершенно не учел, что евреи – жители западных областей, которым не было навязано советское гражданство, могут, с точки зрения советских властей, покинуть СССР, как и все

¹²² ЦСА. J25/54/VI. Л. 34.

¹²³ IHGS, KGA/25.

¹²⁴ См. телеграмму Андерса от 4 августа 1942 года, а также письма бундовцев Гликсмана и Файнзильбера: IHGS, KOL 25/24.

прочие польские граждане. На встречах с евреями и в донесениях в Лондон Андерс вновь и вновь утверждал, что любая попытка обойти советские инструкции угрожает эвакуации в целом. В то же время он объявил евреям, что не возражает против их попыток получить разрешение советской стороны на выезд, поскольку такое разрешение будет признано и поляками¹²⁵.

Группа деятелей Бунда, получившая от Кота рекомендацию для выезда из СССР, встретила с Андерсом; бундовцы заявили, что ради эвакуации они готовы предстать лицами польской национальности. Андерс «резко и категорично» отклонил их просьбу. Члены Бунда сообщают в докладной записке, что из списка транспорта, отправлявшегося 9 августа 1942 года, вычеркнуты все, кто указал, что придерживается Моисеева вероисповедания. При этом в транспорте остались евреи, назвавшие себя католиками¹²⁶. Заметим, что в Иране в судьбу этих последних вмешалось Еврейское агентство, обратившись к польским властям с просьбой позволить этим «выкрестам поневоле» вернуться к своей вере¹²⁷.

Иногда советские офицеры активно вмешивались в ход эвакуации и заявляли, что не имеют никакого отношения к дискриминационным методам поляков. Один из офицеров НКВД объявил, что готов разрешить выезд любому еврею, если два свидетеля подтвердят, что этот еврей не получал советского гражданства¹²⁸. Благодаря усилиям некоторых евреев состоялась встреча генералов Жукова и Бохуша-Шишко, где разбирались касавшиеся евреев советские ограничения на выезд. Еврейский источник сообщает о резких упреках Жукова в адрес Бохуша-Шишко:

Господин генерал, почему вы говорите евреям, что мы препятствуем их выезду? Разве вы не знаете, что на самом деле мы не проверяем списки, что мы смотрим на происходящее сквозь пальцы и нам все равно, Иван уезжает, Петр или Рабинович?!

На той же встрече Жуков предъявил подписанный документ и

¹²⁵ Заявления группы раввинов и письма членов Бунда: IHGS, KGA/24, KOL 25/24.

¹²⁶ IHGS, KOL 25/24.

¹²⁷ Ibid. В ответ на обращение представителя Еврейского агентства от 2 ноября 1942 года польский представитель сообщил, что смена имени и религии совершается по «велеанию совести» и не может быть наказуема.

¹²⁸ Сообщение генерала Бохуша-Шишко от 19.9.1942: IHGS, KOL 25/24.

доказал, что, когда речь заходит о евреях, польская сторона толкует родственные связи совершенно особым (дискриминирующим) образом¹²⁹.

Бохуш-Шишко в письме С. Коту описывал свое столкновение с Жуковым и сообщал, что Жуков согласился признавать польское гражданство на основании заявления двух свидетелей, но ответственность за достоверность таких заявлений возложил на польских командиров¹³⁰. Деятели Бунда сообщают в докладной записке, что на встрече с ними генерал Бохуш-Шишко, исчерпав все доводы, признал, что полякам известно максимальное число подлежащих эвакуации – 70 000 человек, и высказывают предположение: из-за евреев может не хватить мест полякам и потому евреев стараются оттеснить всеми возможными способами¹³¹.

В архиве профессора Кота сохранились отчеты и сводки, составленные наблюдателями и посольскими офицерами связи при штабах, руководивших эвакуацией дивизий и всего военного формирования. Офицер связи при 6-й дивизии Яков Хофман завершил свой отчет такими словами:

Обстановка во время составления списков на выезд была такова, что даже когда евреям объясняли, от кого исходят ограничения и по какой причине они были отданы, они не верили объяснениям. Не только солдаты, но и офицеры определенного толка проявляли злорадство в связи с запретом брать [в эвакуацию] представителей национальных меньшинств.

Тот же офицер пишет, что ему известен польский командир, похвалявшийся тем, что не включил в списки эвакуируемых ни одного еврея¹³².

Прикомандированный к 5-й дивизии офицер связи по вопросам эвакуации Витольд Миштовт-Чиж передал подробный, исполненный негодования доклад о своей борьбе за выезд группы евреев. По его словам, он составил список родственников военнослужащих, которые, согласно инструкциям, имели право на

¹²⁹ Ibid, pp. 42–43.

¹³⁰ Сообщение Бохуша-Шишко от 2.12.1942 и его письмо Коту, датированное тем же днем: IHGS, KOL 25/24.

¹³¹ Заявления Гликсмана и Файнзильбера от 6.10.1942 и 10.10.1942: IHGS, KOL 25/24.

¹³² Отчет Якова Хофмана, 17.9.1942, Тегеран: IHGS, KOL 25/24.

эвакуацию, однако подполковник Дудзинский, ответственный за эвакуацию части, вычеркнул из списка представителей национальных меньшинств, то есть: а) польских граждан татарской национальности и мусульманской веры; б) крещеных евреев, числящихся католиками по вере и поляками по национальности; в) ассимилированных евреев Моисеева вероисповедания, записанных поляками по национальности; г) немногих евреев, заявивших о своем еврействе. По словам Миштовта-Чиж, большинство вычеркнутых составляют представители трудящейся интеллигенции, бывшие военные, осиротевшие дети военнослужащих, инвалиды армии, а также польские промышленники. «Согласно польским критериям, в большинстве своем они имеют право на выезд». Чиж просил штаб армии вмешаться. Вопрос о татарах был немедленно решен – их снова внесли в список. Вопрос о евреях-выкрестах и иудеях в количестве 52 семей, или 122 человек, оставался открытым. Генерал Бохуш-Шишко считал, что их надо внести в список подлежащих выезду. Епископ Юзеф Гавлина, высший церковный авторитет в армии, написал заявление в защиту выкрестов и отметил, что католическая церковь далека от расизма. Подполковник Дудзинский тем не менее стоял на своем и в списке никого не восстановил. Дудзинского обвиняли в том, что он вышвырнул из вагонов с эвакуируемыми 50 евреев, которые находились там на законном основании. Миштовт-Чиж заканчивает рассказ такими словами: «Я ехал с чувством, что с польскими гражданами, имевшими полное право на выезд в Иран, поступили низко»¹³³.

Офицер связи при штабе армии инженер Анджей Енич подготовил общий отчет и включил в него рекомендации политического характера. Он отмечает, что в местах, где составлялись списки эвакуируемых и сосредотачивались подлежащие эвакуации, собралось много евреев. Евреев возмущало, что их право на выезд не признают, зато привозят людей издалека; поляков же злило, что евреи находятся здесь, а их, поляков, семьи – далеко. Енич считает, «что присутствие некоторых военных, которые в ходе эвакуации выказали себя антисемитами, создавало мрачную атмосферу», а о евреях пишет, что многие из них проявляли «враждебность и агрессивность». Енич описывает свои попытки

¹³³ Доклад Миштовта-Чиж, 16.9.1942, Тегеран: IHGS, KOL 25/24.

включить евреев в список и сообщает, что порой ему помогали в этом и невоенные инстанции. Однако все его усилия оказались тщетными. Енич объясняет, что «вывоз евреев с территории Советского Союза не приветствовался ни польским обществом, ни армией и был сведен к минимуму, как того требовала позиция советских властей, политическая по своей природе».

Еврейские международные круги захотят, вероятно, по совету наших евреев, возмущенных тем, что выехать удастся лишь очень немногим, возложить всю ответственность на поляков. С точки зрения польских государственных интересов, не имеет значения, будет ли возложена ответственность на гражданские или на военные институции – посольство, штаб армии или дивизии. Есть основания полагать, что советские власти постараются представить все это в неблагоприятном для поляков свете и свяжут с претензиями на восточные территории. Следуя этой логике, советская пропаганда заявит, что польские власти не хотели брать с собой евреев, и добавит к этому соответствующий пропагандистский материал. За таким материалом далеко ходить не надо. Вот, например, советский комиссар по делам эвакуации при 5-й дивизии направил епископу Гавлине в Янгиюль письмо, где сказано, что «армия пользуется расистскими методами». Поэтому я полагаю, что единственная [правильная] позиция такова: все организации и лица, которые непосредственно занимаются эвакуацией, должны выступить единым фронтом и передавать всем, кто должен быть осведомлен о ходе эвакуации, одинаковую информацию, а именно, – что ограничения на выезд евреев вызваны только категорическим запретом советского правительства. Мы способны обеспечить, если потребуется, удостоверяющие это материалы. Все отчеты, содержащие отвратительные подробности о ходе эвакуации, следует считать совершенно секретными, чтобы они не попали в неподходящие руки. Антисемитские установки некоторых офицеров, в высшей степени раздутые, следует представлять за рубежом как отдельные явления сугубо личного порядка, за которое руководство эвакуацией ответственности не несет¹³⁴.

Очевидно, составление списков, обращение с евреями в ходе эвакуации, а также число вывезенных евреев – солдат и гражданских лиц обнажили перед общественным мнением свободных стран методы дискриминации евреев и животный антисемитизм некоторых польских офицеров.

¹³⁴ Шестнадцатистраничный отчет Енича, 22.9.1942: IHGS, KOL 25/24.

По оценкам еврейских источников, всего было эвакуировано около 3500 еврейских военнослужащих, по словам Андерса, – 4000. Даже если мы сочтем польские данные достоверными, результат говорит сам за себя. До конца 1941 года советские власти не препятствовали мобилизации евреев в польскую армию, более того, часто направляли евреев на призывные пункты – и в результате доля евреев в армии достигла 40%, а иные утверждают, что и превысила эту отметку. Если к концу 1941 года польская армия насчитывала около 40 000 человек, то в ее составе, очевидно, оказалось более 15 000 евреев. Андерс утверждает, что, когда русские ввели ограничения на призыв представителей национальных меньшинств, была сделана попытка задним числом применить эти ограничения к уже сформированным частям. По словам Андерса, он резко возражал против подобных требований, поскольку никакой закон обратной силы иметь не может, и русским пришлось с ним согласиться. Но куда же исчезли эти евреи, ведь они были вправе оставаться в армии? Очевидно, в дополнение к советским ограничениям и польскому тенденциозному набору, отсеивавшему евреев, была проведена радикальная чистка в уже сформированных частях, чистка, определившая число эвакуированных.

Нет смысла возлагать ответственность за составление списков эвакуируемых на отдельных офицеров. Здесь виновна целенаправленная тенденциозная политика командования польской армии. Посольство старалось сдерживать армию и смягчать антиеврейские меры, пыталось добиться включения в списки большего числа евреев, и прежде всего известных еврейских деятелей. Как мы убедились, посольские ходатайства не принесли заметных плодов, что, видимо, объяснялось соперничеством между армией и политиками¹³⁵. Зачастую животный антисемитизм офицеров приводил к ужесточению линии; лишь немногие выступали против дискриминации и пытались по мере возможности помочь евреям.

Не исключено, что офицеры НКВД решили дискредитировать поляков, используя их необузданный антисемитизм в пропагандистских целях. Но возможно также, что русские не желали потакать польской ловке – списывать все на советские власти,

¹³⁵ На этом объяснении особенно настаивают бундовцы Гликсман и Файнзильбер.

даже когда те не имели никакого отношения к ограничениям. Разумеется, во всех подобных столкновениях страдали неизменно евреи.

Справедливости ради следует хотя бы вкратце рассказать о дезертирстве из армии Андерса, пусть даже подробное исследование этого явления выходит за рамки нашей темы и заслуживает отдельного труда. Во время дислокации польской армии в Стране Израиля дезертирство приняло массовый характер. По словам Андерса, из 4000 евреев 3000 дезертировали¹³⁶. Вероятно, стремление влиться в ишув – постоянное еврейское население Страны Израиля – после горького опыта пребывания в СССР и в свете сообщений о том, что творится в оккупированной Польше, привело к массовому бегству евреев из польской армии. Решению расстаться с армией немало способствовали также царившие в ней антисемитизм и дискриминация, от которых евреи страдали и во время мобилизации, и при прохождении службы. У нас нет возможности оценить удельный вес каждого из этих мотивов и понять, какие соображения оказались решающими; однако в совокупности они, безусловно, побуждали евреев сделать свой выбор.

В воспоминаниях и устных заявлениях Андерс утверждает, что понимал настроение евреев, желавших остаться в Стране Израиля, и не нуждался в солдатах, покидавших его армию. Поэтому когда евреи дезертировали, он не устраивал расследований. В целом это верно, но сказанные по прошествии времени слова Андерса не отражают всей правды. В годы войны на встречах с представителями еврейского населения Страны Израиля Андерс утверждал, что еврейское дезертирство не наносит его армии особого ущерба, поскольку в одном бою он может потерять столько же, если не больше, солдат, – но отмечал, что это бегство может повлиять на будущие взаимоотношения поляков и евреев¹³⁷. Андерс старался уговорами сократить число побегов, да и некоторые еврейские организации противились массовому

¹³⁶ Об отношении Андерса к дезертирству см. Anders, *Bez ostatniego rozdziału*, p. 201. См. также *Generał Anders – Życie i chwala*, p. 63.

¹³⁷ ЦСА. J25/54/VI. О встрече Андерса с членами Представительства 19 сентября 1943 года в Тель-Авиве см. с. 134 и дальше. Те же настроения различимы и в других беседах Андерса с евреями. См. IHGS, KGA/24.

¹³⁸ Об этом неоднократно пишет в своих записках Шварцбарт, и та же позиция подчеркивается в докладе Представительства.

дезертирству, опасаясь за судьбу польских евреев после войны¹³⁸. Следует отметить также, что при всяком удобном случае Андерс повторял, что те евреи (1000 человек), которые остались в рядах его армии, отлично воевали и ни в чем не уступали другим бойцам, проделавшим долгий путь из Советского Союза через Ближний Восток и отважно сражавшимся в Италии, в том числе в кровавой битве при Монте-Кассино. А большинство дезертиров продолжали воевать, присоединившись к еврейскому подполью в Стране Израиля или записавшись в Еврейскую бригаду¹³⁹.

*Впервые опубликовано на иврите и по-английски как "Jews in General Anders' Army in the Soviet Union," in *Yad Vashem Studies* (Hebrew), vol. 12 (1978), pp. 171-213.
Перевод с иврита Зои Копельман.*

¹³⁹ Воинская часть в составе британской армии, сформированная из добровольцев-евреев, преимущественно евреев Страны Израиля. К началу 1945 года насчитывала 5000 человек. – *Прим. ред.*